
честь·отвага·мужество
отвага·мужество
честь·отвага·мужество
честь·отвага·мужество
ВЛАДИСЛАВ
МИКОША
С КИНО-
АППАРАТОМ
В БОЮ

ВЛАДИСЛАВ
МИКОША

С КИНО-АППАРАТОМ В БОЮ

Честь · отвага · мужество

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"
1964

1. Опаленная земля

Оборвалась и замерла над Севастополем канонада.

Изредка четкие пунктиры пулеметной очереди делят время на секунды, и зеленая трасса, прошивая ночь, роняет обессиленные пули в сонное море. Оно, тяжко вздыхая, лениво накатывает на темный берег невидимые волны.

Неудобный окоп на краю обрывистого берега стал уютным, теплым. Рядом со мной, положив стриженые головы на бескозырки и пилотки, спали матросы и солдаты. Неподалеку кто-то, всхрапывая, стонал, произнося во сне несвязные обрывки фраз. Мое расслабленное дремотой сознание поплыло по лунной дорожке и утонуло во сне.

Я проснулся. Из темноты донесся едва уловимый металлический лязг. Его тонкую, как комариный напев, мелодию подхватил прилетевший из далекой Крымской степи теплый, напоенный ароматом трав ветерок.

Немцы подтягивали к линии фронта технику.

Протяжно застонал, не просыпаясь, раненый матрос. Спят бойцы, не знают, что готовит им грядущий день — 226-й день обороны.

Севастополь — последний рубеж, последний клочок опаленной огнем крымской земли...

У моих ног в кожаном футляре автомат — мое оружие, но им застрелить никого нельзя. Он заряжен не смертоносными пулями, а безобидной кинопленкой, которая, впрочем, может стать и обвинением, и судьей, и грозным оружием. Рядом спокойно спит Димка Рымарев.

Море шумит внизу. О том, чтобы заснуть, нечего и думать. В голове беспорядочно, обрывками возникает знакомое и дорогое: Малахов Курган, Пятый бастион, Корнилов...

«...Нам некуда отступать — сзади нас море. Помни же — не верь отступлению. Пусть музыканты забудут играть ретираду. Тот изменник, кто потребует ретираду. И если я сам прикажу отступать — коли меня...» Корнилов сказал это своим солдатам за несколько недель до своей гибели. Я пытаюсь связать воедино прошлое и настоящее, понять те закономерности и связи, которые невидимой нитью соединили те одиннадцать месяцев первой обороны и эти семь месяцев — второй.

Сейчас, когда бессонница острыми гвоздями вбивает в мозг мысли, особенно зримо встает пе-

ред глазами облик города, уже искалеченного и изуродованного, я вспоминаю, как два года назад мне довелось побывать на военных маневрах Черноморского флота.

...Город замер, высеченный из золотистого инкерманского камня. Его миниатюрные, увитые виноградником домики с черепичными крышами, оживленные улички, веселые бульвары террасами сбегают к синим бухтам. Сошел в теплые воды бухты и остановился, задумавшись, по колено в прозрачной волне памятник Затопленным Кораблям. Тает в голубой дымке над морем Константиновский равелин — ворота Севастополя. Крики чаек, плеск волн о каменный берег, протяжный тревожный возглас сирены вернувшегося из дозора сторожевика: «Эй! Рыбак! Уснул в ялике? Полундра!»

Двенадцать часов. Бьют на кораблях склянки, и их серебристый перезвон плывет, летит вместе с криком чаек к извилистым бухтам города.

На рейде Северной бухты замерли серые острые громады военных кораблей. Они глядятся в свое отражение. Жерла орудий в белых чехлах, а к высоким мачтам вознеслись бело-синими флагами постиранные и вывешенные на просушку матросские формы. Под Минной башней у каменного пирса стоят миноносцы. Высоко, в центре Исторического бульвара, круглое здание Севастопольской панорамы и памятник Тотлебену. Это силуэт города. Его отражение всегда колеблется в Южной бухте.

Я в разноголосой пестрой толпе на Нахимовской. Мне навстречу идут группами веселые матросы, женщины, дети... Мелькают пестрые платья де-

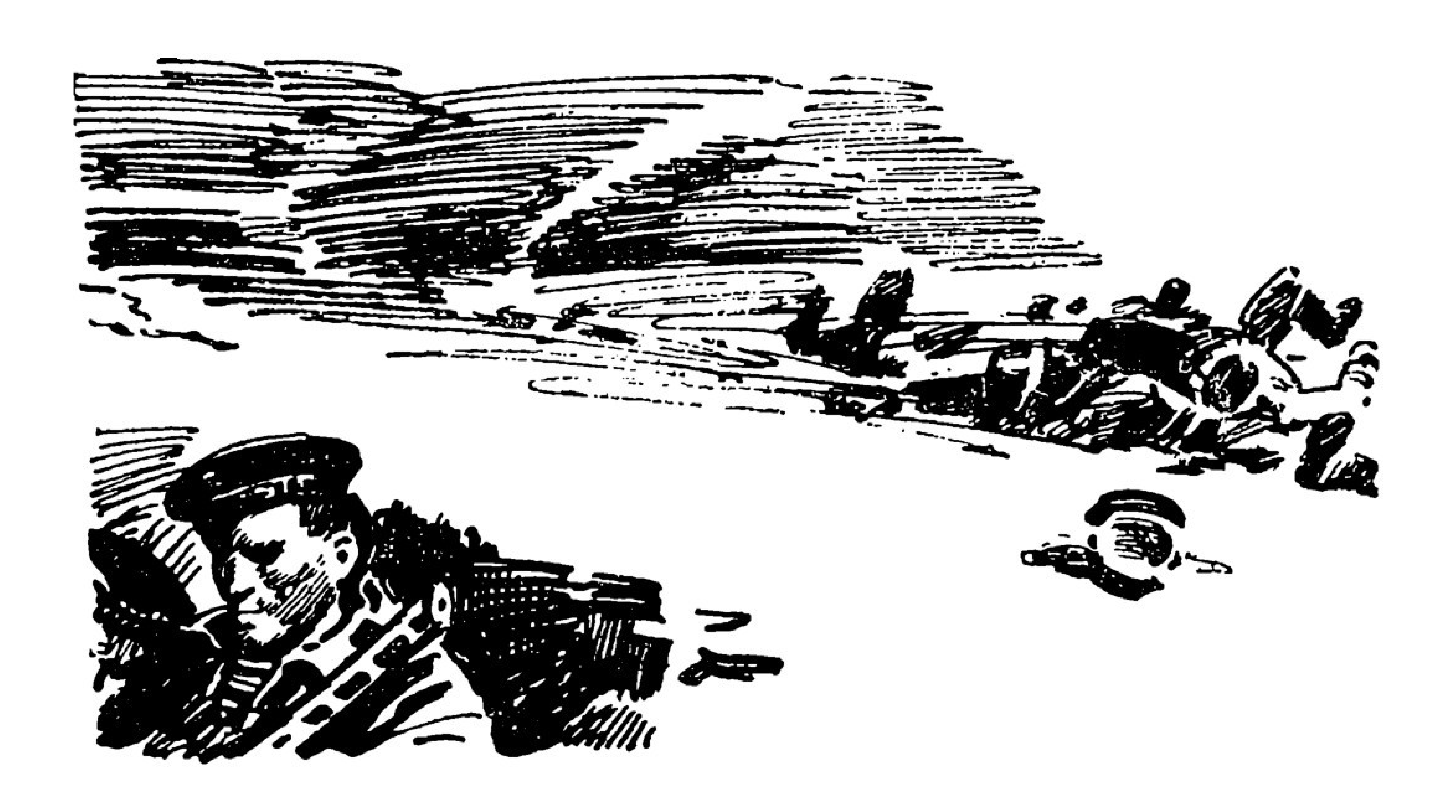
вушек, золотые нашивки, эмблемы, бескозырки, синие воротники, развеваются черные с золотом ленточки. Сверкает, шумит, улыбается улица...

Низко склонились над пешеходами кружевные ветви цветущих акаций. Сладкий густой аромат курится над городом.

Я не иду, я плыву вместе с толпой. Я ее частица, ее клетка. Я чувствую пульс ее жизни, ритм движения — живой, размеренный, радостный...

Мазки заходящего солнца густо легли на Константиновский бастион. Над розовой бухтой замерла тишина, и только изредка протяжно вздыхает на морском фарватере буй.

Спустя два года я опять шел по знакомым улицам и бульварам Севастополя. Ничего не изменилось, только мелкие штрихи напоминали о том, что война. Даже странно: ехал на фронт, в военную

крепость, а увидел жизнь, спокойную, благополучную, не в пример нашей столице.

Новенькая форма капитана третьего ранга непривычна. В такт шагу бьет по ноге по-морскому низко подвешенный наган.

Я задумался и не ответил на приветствие.

— Товарищ капитан третьего ранга, — услышал я строгий окрик. — Почему вы не приветствуете старшего по зва... Какая встреча! Какими судьбами?

На Большой Морской лицом к лицу я встретился со старпомом линкора «Парижская коммуна» Михаилом Захаровичем Чинчарадзе.

Я познакомился с ним на военных маневрах Черноморского флота. И сейчас эта неожиданная встреча на улице Севастополя сыграла огромную роль в моей судьбе. По приказу Военного Совета

Черноморского флота меня назначили военно-морским оператором на флоте. Такой должности ранее не существовало, я был исключением.

Недолго в Севастополе пришлось мне ждать войны. Она пришла с воздуха. Не прошло и дня с моего приезда, как налетели юркие «мессеры», а за ними черными стайками «козлы» — «Ю-87». Они неожиданно выскакивали из-под горячих лучей солнца и падали отвесно, один за другим на корабли.

Первым погиб эсминец «Бойкий» у входа в Севастопольскую бухту. Все произошло так быстро и неожиданно, что ни один из нападавших самолетов не пострадал, хотя и с кораблей и с берега зенитчики открыли по ним беглый огонь. Я в это время находился на берегу возле Сеченовского института.

Я не слышал команды «Ложись!», которую дали на зенитной батарее в парке. Мой взгляд приковали пикирующие «юнкерсы». И только когда просвистевшие бомбы подняли высокие фонтаны воды около проходившего крейсера «Красный Кавказ» и взрывная волна посадила меня на бетонный пирс, я очнулся и начал снимать.

Это была моя первая военная съемка. С этого дня началась для меня война.

2. Стена огня

Над полевым аэродромом рекой плыл зной. Я лежал на траве, истомленный ожиданием вылета. Наконец прозвучала команда: «По самолетам!»

Второй день ждал я этой минуты. Самолеты отрывались от земли, возвращались из боевых вылетов или не возвращались совсем, а я все сидел на аэродроме и ждал подходящего «рейса». Мне нужно было снять налет нашей авиации на порт Констанцу или на нефтяные базы Плоешти. Каждый такой налет был подвигом.

Весь перепачканный маслом и сажей бортмеханик помог мне взобраться в кабину скоростного бомбардировщика. Прозрачный купол накрыл кабину стрелка-радиста.

Время тянулось. От долгого ожидания бодрое настроение испарилось. Было жарко. Солнце, казалось, вот-вот воспламенит бензиновые баки.

Раздалась команда:

— Полет отменяется!

Командир полка сказал в утешение:

— Время и маршрут изменены. Бомбить будут в сумерках. Насколько я понимаю в аэрофотографии, в это время суток снимать нельзя. Даже глазами ни черта не увидишь. Поэтому ваш полет придется отменить.

Самолет, на котором я должен был лететь, уходил последним. Я подождал, пока он подстроится к остальным, и побрел к аэродромным постройкам.

У столовой меня встретил начальник штаба и предложил лететь на Плоешти с другой эскадрильей.

— Вылет перед рассветом. Шансов на возвращение не очень много... — Он испытующе смотрел на меня. — Устраивает вас такая операция? Стоит ли лишать машину стрелка-радиста? По необходимости придется его заменять. Ну как?

— Не беспокойтесь, товарищ майор, заменю, если нужно будет, — ответил я не очень уверенно.

Ночью меня вызвали к начальнику штаба. Он строго и официально сообщил:

— Самолет, на котором вы должны были лететь, не вернулся на свою базу. Мы решили отменить ваш полет на Плоешти.

Я не сразу понял, что остался жив благодаря командиру полка, майору, который не разрешил мне лететь на Констанцу. Отказаться было так просто, а лететь страшно, что я чуть не поддался минутной слабости.

— Товарищ майор! Уверяю вас! Если я полечу, все будет в порядке! Я везучий! У меня легкая рука!

— Не верю в приметы! Бросьте меня уговаривать, черт возьми!

Я не отходил от него до самого старта. Наконец терпение майора лопнуло, и он с ожесточением крикнул:

— Черт с вами!

Летели мы на большой высоте. Светила луна. Море внизу казалось застывшей лавой. За прозрачным куполом светилась звездная россыпь.

«Наверно, когда человек в опасности, он особенно остро чувствует природу, быть может инстинктивно прощаясь с ней навсегда», — думал я.

На востоке слегка розовело небо. Вместе с зарей пришла тревога. Томительно тянулось время.

С каждой минутой становилось светлее. Я увидел наши машины — слева, справа, сзади. Их девять. Под нами серое море. Впереди неясная графитная дымка, будто карандашную пыль размаза-

ли пальцем. Вражеская земля. Пора действовать. Я внимательно осмотрелся по сторонам, начал снимать. Но скоро мне пришлось оставить кинокамеру и взяться обеими руками за пулемет. Холодный, ледяной... Та же камера, так же надо смотреть в визир, выискивая кадр — цель: вправо, влево, вверх.

В стороне, немного ниже нас, поблескивали короткие вспышки огня, в черных облачках дыма они стремительно летели назад. Я осмотрелся, еще не совсем понимая, что случилось. Все ясное голубое пространство утреннего неба было заполнено бегущими назад всплесками дыма и пламени.

«Вот она, стена огня!» — мелькнуло в голове.

Я знал, что бояться истребителей во время зенитного обстрела не следует, и, оторвавшись от пулемета, опять схватил дрожащими руками камеру. То ли холодный металл камеры, плотно прижатый к горячему лбу, умерил страх, то ли восторжествовал профессиональный азарт оператора-хроникера — мне теперь трудно разобраться, — я вдруг обрел рабочее состояние, привычную остроту зрения. Все, кроме желания во что бы то ни стало снять, отлетело назад, как всплески разрывов.

«Только бы не отказал аппарат! Только бы не отказал...»

Сильный рев моторов заглушал работу механизма камеры, и, нажимая спусковой рычажок, я не слышал ее обычного рокота.

Снял или нет? В ушах звон, стук...

Я отнял камеру от глаз, мне показалось, что она не работала. Ужас! Все пропало! Лихорадочно сунув ее в перезарядный мешок, убедился, к своей радости, что отснял всю кассету.

«Снял! Снял! Камера работает! Скорей бы успеть перезарядить!..»

Заряжая машинально новую бобышку, я неотрывно следил за идущими бок о бок бомбардировщиками. Наш самолет резко подпрыгнул, а рядом идущий слева круто, со снижением отвалил в сторону. За ним тянулся черный шлейф дыма, у правого мотора алело пламя.

«Горит! Почему не выбрасываются летчики, почему же?» Наконец далеко внизу вспыхнули белые венчики парашютов. Но до спасения было далеко. Внизу чужая земля.

Мои мысли прервал сильный звенящий удар. Я упал на дюралевый переплет, раздался свист, и я увидел несколько сквозных пробоин в обшивке самолета. Казалось, ветер неминуемо разорвет тонкую пленку дюраля. Она вибрировала и пела, как живая.

Прильнув к аппарату, я увидел в визире далеко внизу ровные квадратики города. Оттуда неслись огненные струи трассирующих снарядов. Все они, как мне казалось, были направлены в наш самолет. Не успел я перезарядить камеру, как получил сигнал от пилота. Наступал самый важный момент нашей операции, из-за которого я отправился в этот рейс. Он продлится всего несколько секунд. Сигнал означал — через минуту бомбы оторвутся и пойдут на цель.

Прильнув к визиру, я нажал на пусковой рычажок автомата. Нажал так сильно, что даже согнул его. На далекой земле сверкнуло пламя и поползли вверх черные грибы разрывов.

Самолет развернулся и, меняя высоту, лег на

обратный курс. Навстречу поднималось из моря солнце.

Я отложил камеру и стал искать наши бомбардировщики. Впереди один дымил, резко теряя высоту. Мы вышли из зоны зенитного огня. Теперь надо ждать нападения истребителей. Так мне говорил командир эскадрильи.

Слева показались быстро плывущие в нашу сторону темные черточки. Это «мессершмитты». Развернуть пулемет я не успел. Нападение началось. Черные силуэты крыльев, огонь по обе стороны винта — все это мгновенно промелькнуло перед глазами... «Пронесло, не задело», — подумал я и тут же увидел другой самолет, слева. Он пикировал, увеличиваясь в размерах. Я поймал его в прицел, нажал на спуск. «Мессершмитт» круто отвалил в сторону.

Я почувствовал в кабине запах дыма — не то горела краска, не то машинное масло. Но осмотреться было некогда. Снова понеслись на нас «мессеры».

Я старался вовсю, делал все, чему учили меня на земле стрелки-радисты, но результатов своей стрельбы не видел.

Патроны кончились. Я схватил камеру, но вспомнил, что она не заряжена. Пока занимался перезарядкой, «мессеры» исчезли.

Неужели это все? На небе ни черточки. Мы висим над сверкающим морем. Далеко впереди летят наши. Нас они сильно обогнали и уходят все дальше и дальше.

Только теперь я заметил, что кабина заполнилась едким дымом. Из пробоины в левом моторе

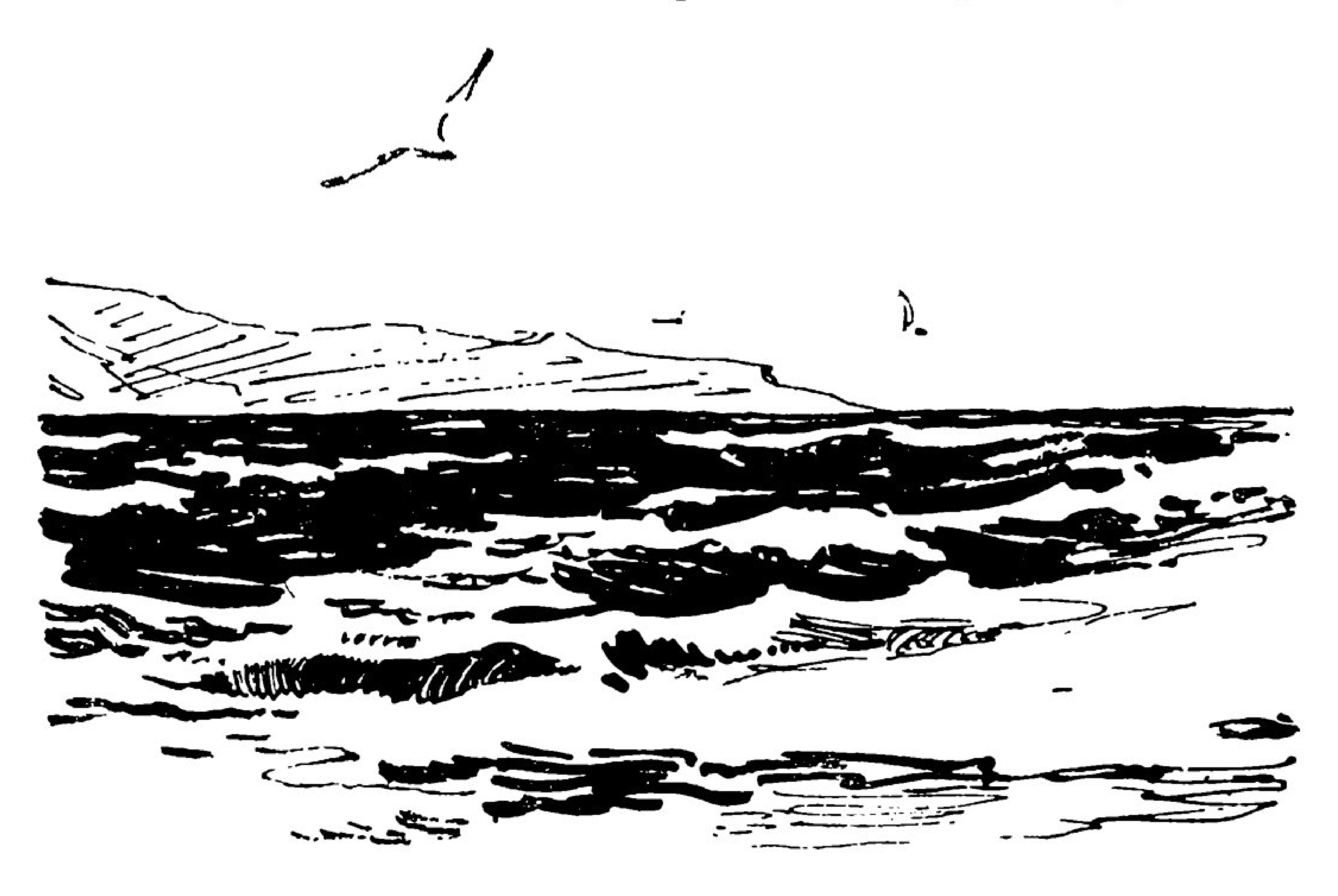
выбивалась дрожа сизая струя масла, а за ней тянулась тонкая лента дыма. Она то исчезала, то густела и оставляла за стабилизатором жирный след.

Левый мотор стал давать перебои. Самолет терял высоту и скорость. Мы остались в небе одни.

Где парашют? Я мгновенно вспомнил о нем. На мне его не оказалось. Он лежал в стороне с перепутанными лямками. Когда я освободился от него? Не помню. Очевидно, он мешал мне снимать. Я надел его и, взглянув вниз, увидел впереди окутанный дымкой берег.

Левый мотор явно доживал последние минуты. А берег совсем близко. Мотор неожиданно замолчал. Оборвалась черная лента дыма, оставшись позади.

Мы летим на одном правом моторе. Ему тяже-

ло. Он гудит, надрываясь, вот-вот захлебнется и замолкнет.

Самолет резко теряет высоту. Море совсем близко. Парашют уже ни к чему. Вода рядом. Впереди песчаная коса. Я чувствую, что летчик должен сажать машину немедленно, здесь, прямо на воду, тогда мы, как на глиссере, выскочим из воды на песок и не затонем.

Я угадал. Вцепившись в турель обеими руками и уперев ноги, я ждал удара. Он оказался не очень сильным. Пилот осторожно, не выпуская шасси, посадил самолет на «живот».

Первое мгновение хлестнула вода, скрыла все. Жесткая струя сквозь пробоины полоснула меня по лицу, заставила зажмуриться. Машина, качнувшись, остановилась, завалилась на сторону, обмакнув левое крыло в воду.

Море совершенно спокойно.

Меня окликнул обеспокоенный голос летчика:

— Ты жив? Что с тобой? Почему молчишь?

Мне помогли выбраться. Я стоял на горячем песке перед двумя летчиками; утром, в суматохе, я не успел их разглядеть и теперь стоял, радостно пяля на них глаза.

Один из них, улыбаясь, спросил:

— Перепугался здорово, а? Я думаю! Палил ты, как заправский стрелок, а кино не снимал?

— Оставь, Коля, видишь, малый не в себе, а ты пристал к нему. Разве дело в том, что снимал или не снимал? Скажи спасибо, что палил без перебою.

Парень в форме старшего лейтенанта, участливо улыбаясь, взял меня под руку.

— Не знаю, как тебя звать, меня — Васей. Пойдем посмотрим, как фрицы отделали нашу «птичку».

На узкой песчаной косе, распластав перекошенные крылья, с почерневшим мотором лежала наша «птичка».

— Как она донесла нас до земли? — спросил я.

— Это не она, а он — Колька! Если бы не он, нырнули бы мы. Верняк! А скажи все-таки, успел снять, как мы их шарахнули, а?

— Успел!

— Все-все? И стену огня успел снять? — обрадовался Вася.

— Да, и стену огня...

— Колька! Он все снял. А мы-то думали!.. — Вася подбежал к Николаю.

— Подожди! — остановил его тот. — Ну вот, опять спутал. Помогите лучше посчитать пробоины.

Николай был очень красив — высокий, худощавый, с карими глазами, с орлиным носом, каштановые кудри вились над высоким лбом.

— Шестьдесят четыре дырки! — Николай тряхнул кудрями. — Ну, когда теперь увидим твою съемку? — спросил он меня.

— Как только получат в Москве, сразу дадут на экран.

Я залез в кабину, вытащил наружу кофр со снятой пленкой и камерой, надел китель. Мы сели на песок и долго молчали, все во власти охватившей нас радости. Так бывает, наверное, когда возвращаешься к жизни. Радует все: и тишина, и теплое ласковое море, и сама возможность дышать, двигаться, жить.

3. Дорога смерти

Шел четвертый месяц войны. После героической обороны наши войска оставили Одессу, и противник все силы бросил на Севастополь.

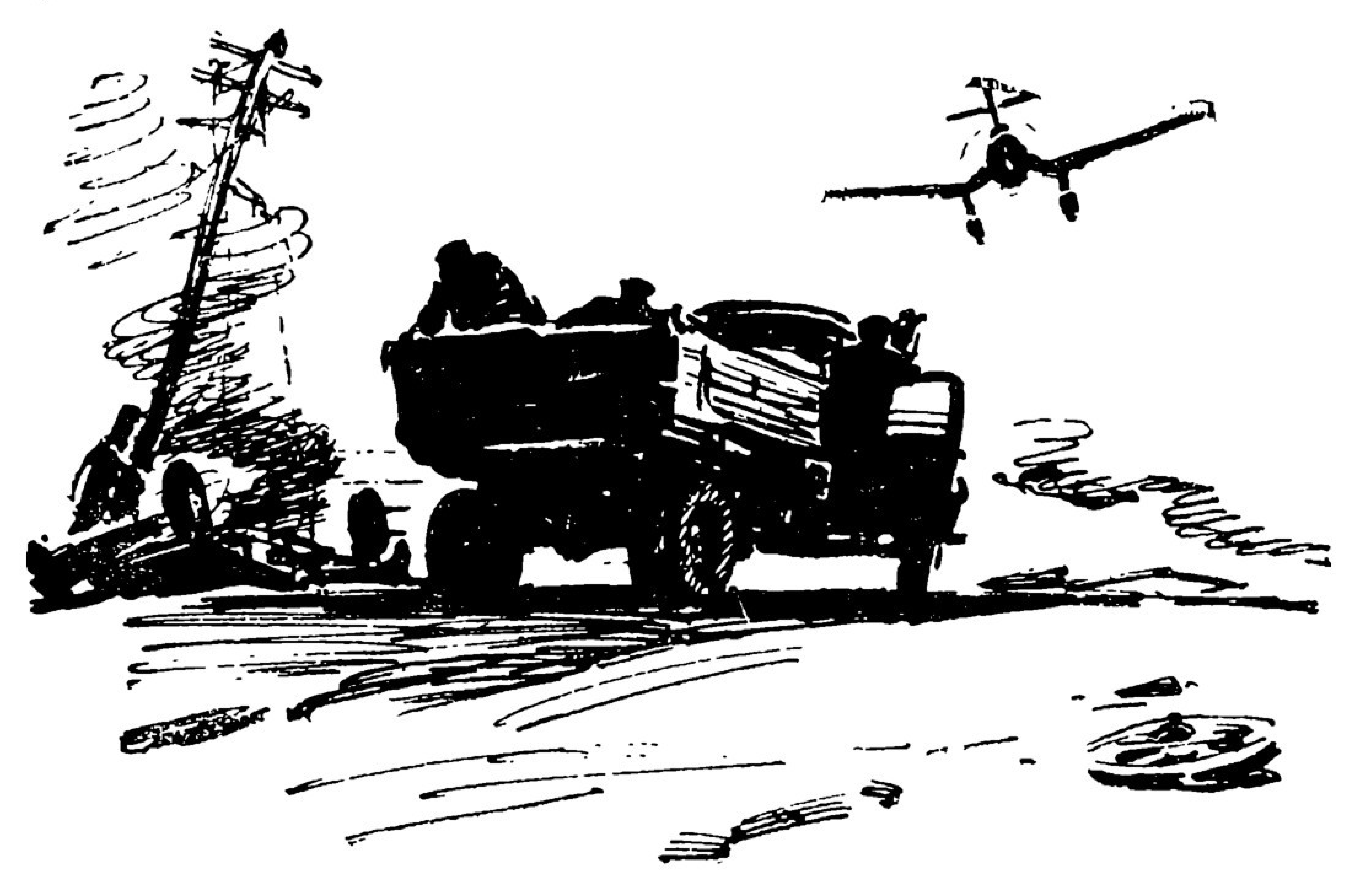
Я получил назначение в Первый Перекопский отряд морской пехоты. Он сдерживал напор гитлеровцев, прорвавших Перекоп на узком участке фронта Ассы — Армянск.

На старой полуторке, с трудом полученной в Военном Совете флота, с шофером матросом Чумаком мы отправились на фронт. Нас было четверо: Димка Рымарев, Федя Короткевич и фоторепортер ТАСС Коля Аспин. Они уютно расположились на соломе в кузове, а я рядом с Чумаком в кабине.

Стоял октябрь. По прозрачному синему небу летели серебряные паутинки. Пахло ароматным теплом крымской осени.

До Симферополя мы докатили быстро, без всяких хлопот и приключений, а там мы узнали, что приказ командования запрещает всякую езду по Крыму в дневное время, потому что самолеты врага охотятся за каждой машиной, за каждым человеком.

И все же мы чуть свет двинулись в путь. Хотелось скорее на передовую. Прошел час, другой, стало совсем светло. Дорога была прекрасной. Справа и слева расстилалась желтая, выжженная солнцем равнина. На небе ни облачка. Солнце жарит вовсю... Где же война?

Чем дальше мы катились по гладкому асфальту вперед, тем меньше встречали на дороге людей. Если первое время кое-кто и попадался, то потом мы оказались в полном одиночестве. Сначала мы пели песни, потом устали и ехали молча, изредка перебрасываясь шутками. Вдруг вдали на дороге показался дымок. Все приумолкли. Веселость как рукой сняло. Когда мы подъехали вплотную, в кювете догорала перевернутая «эмка». Рядом лежали в неестественных позах двое убитых.

Через некоторое время попалось еще несколько обгорелых машин и повозок. Одна лошадь стояла в упряжке с отрубленными оглоблями, на трех ногах. Одна нога болталась. Из нее торчала белая кость. Лошадь щипала траву.

Сейчас, спустя двадцать лет, те дни, часы, мгновения возникают яркими вспышками ощущений, образов, деталей, которые тогда, может быть, даже не останавливали на себе внимания, откладываясь

в мозгу на долгие годы для переосмысления в будущем. Хорошее свойство есть у человеческой памяти — забывать, чтобы успокоиться и жить, и вспоминать, чтобы не повторять прошлого. Сейчас я думаю: почему я не снимал всего виденного на этой страшной дороге смерти? Я потерял цель. В первые часы все казалось ничтожным по сравнению с тем, что открылось перед нами. Я даже не поднял «аймо». Казалось, мир гибнет. Он не может, никак не может существовать после тех кошмаров, которые обрушились на него. Так наступило то самое ощущение пустоты. Это было в первые часы. Потом появилась ярость, появилась сила и ненависть. Но это потом. А сейчас было неверие в реальность происходящего. Впрочем, и потом очень-очень долго я не снимал всего этого. Не снимал дикой и бессмысленной гибели человека, удивительной силы всего живого, даже искалеченного, даже полумертвого, не снимал страданий людей, которыми был куплен будущий мир. Почему? Мы были твердо убеждены, что надо снимать героизм, а героизм, по общепринятым нормам, не имел ничего общего со страданием. Что надо снимать врага, а враг — это фашистские солдаты и офицеры. Только спустя много-много времени я понял, что героизм — это преодоление страха, страдания, боли, бессилия, преодоление обстоятельств, преодоление самого себя и что с врагом мы столкнулись задолго до того, как встретились с ним лицом к лицу. Мы стремились увидеть его человеческое лицо, но это было глупо — у врага не было человеческого обличья, а сущность его была перед нами во всем содеянном им на земле.

Все это пришло гораздо позже, а пока — пока была дорога, и не было ей конца и края...

Не успели проехать и километра, как неожиданно вынырнул «мессер». Мы высыпали в небольшой кювет. Пулемет хлестнул по дороге, выбив желтую пыль. Мы сели в кузов, и машина лихорадочно рванулась вперед. Вскоре показался «мессер» и тут же за ним наш истребитель. Не успели мы затормозить и спрыгнуть на землю, как наш «И-16», уже дымясь, садился рядом с нами, подпрыгивая на неровной поверхности. Неуклюже подскочив на рытвине, он скапотировал и перевернулся вверх колесами. Летчик выскочил из-под фюзеляжа, побежал в сторону. «Мессер», низко пикируя, прострочил «И-16» из пулемета, и он вспыхнул, загорелся ярким пламенем.

Все это произошло быстро и неожиданно. «Мессер» вернулся еще раз и после повторной длинной очереди по горящему самолету взмыл свечой вверх.

Мы взяли летчика и отправились дальше. Он оказался совсем мальчиком с розовым смешливым лицом, с огромной шишкой на лбу и широким кровавым шрамом на щеке. Он грубо ругался. От него мы впервые узнали, что наши истребители сильно уступают по боевым качествам «мессершмиттам». А мы-то считали, что лучше нашей авиации нет на свете...

Чумак оказался хорошим водителем. За дорогу он научился виртуозно маневрировать. Увидев издали самолет, он останавливал автомобиль и дожидался, пока «мессер» не выйдет на него в пике. Тогда, мгновенно набирая скорость, вырывал машину

вперед, и летчик вгонял длинную очередь пулемета в пустое место на дороге. Упрямый гитлеровец шел на новый заход, рассчитывая на маневр Чумака, а он, подождав пике, резко сдавал автомобиль назад, и летчик еще раз разряжал пулемет по асфальту, и так до нового захода, до нового «мессера»...

Насмотревшись до боли в глазах на небо, навалявшись до боли в боках по кюветам, предельно устав и измучившись, мы добрались до маленького разбитого бомбами хуторка. Все дома были покорежены, не успевшие убежать жители сидели в глубоких, вырытых в земле щелях. Наш приезд вызвал у них бурю негодования: мы своей полуторкой привлекли два «мессершмитта». Пришлось ехать дальше.

Солнышко катилось с нами рядом по горизонту, освещая наши похудевшие, измученные лица. Наконец в стороне от дороги мы увидели стог сена и старые полуразрушенные саманные стены. Полуторка очень удобно замаскировалась между трех стен. Здесь решено было заночевать. Натаскали душистого сена и устроили уютный ночлег. Все так устали, что, даже не перекусив, завалились спать.

Небо опустилось низко-низко, а на севере горизонт заполыхал зарницами, доносился грохот тяжелой артиллерии. И мы никак не могли уснуть. Сердце скребла тревога. К тому же нас одолели полевые мыши, их было множество, и все они лезли под наши плащ-палатки.

На другой день с утра все повторилось. Мы медленно продвигались вперед, маневрируя под огнем

немецкой авиации. Нам удалось снять пикирующий «мессер». Сквозь прозрачный колпак можно было хорошо рассмотреть немецкого пилота. Это было лицо врага. Но мы не сняли главного в облике этого врага — его «деяний». Не запечатлели на пленке того горя, страданий, которые принес людям этот сытый, холеный убийца. Научиться раскрывать сущность явлений, делать выводы — все это еще было впереди.

4. Контратака

Наконец нам удалось найти Первый Перекопский отряд морской пехоты. Он расположился недалеко от деревни Ассы. Совсем рядом с нашей ночной стоянкой.

Было решено полуторку с вещами оставить там, а дальше, взяв необходимую аппаратуру, идти пешком. Мы с Рымаревым отправились к морякам, а Короткевич с Асниным пошли в другое подразделение.

Нас встретил старший политрук.

— Что вы тут бродите в полный рост! — набросился он на нас. — Вы же рискуете сами, не говоря о том, что демаскируете наше расположение...

Действительно, мы шли между окопами, в которых лежали матросы с пулеметами и автоматами. Неужели немцы рядом? Мы легли на землю.

— Будем знакомы — комиссар Первого Перекопского отряда моряков Аввакумов...

Комиссар, слушая нас, следил взглядом усталых глаз за рыжим муравьем, тащившим черного

жука по сухой закраине окопа. Аввакумов оказался не таким уж строгим и мрачным человеком, как мы вначале подумали.

— Почему в вашем хозяйстве такая тишина? — спросил я комиссара. — Будто все вымерло кругом...

— Немцы подтягивают резервы. Ждут танковую дивизию, вот тогда и зашумят.

— Товарищ комиссар, кого бы вы могли вызвать из ваших пехотинцев, особо отличившихся в бою?

Комиссар взглянул на часы.

— Пойдемте на КП, там я вам представлю одного матроса. Будьте осторожней. Кое-где придется ползти на животе... Сегодня снайперы сняли у нас двоих. Один умер...

Через полчаса мы добрались до землянки, хорошо замаскированной выцветшей травой.

— Срочно пришлите на КП автоматчика Ряшенцева... — Усатый старшина положил трубку на зеленый ящик полевого телефона и трижды крутанул ручку.

— Этот мальчик — я говорю о Ряшенцеве — спас мне жизнь. Кстати, он имеет какое-то отношение к вам, киношникам, — не то работал на студии, не то учился, — рассказывал комиссар.

— Автоматчик Ряшенцев прибыл по вашему приказанию, товарищ старший политрук! — вытянулся в струнку совсем юный круглолицый матрос в каске и с новеньким автоматом на груди.

— Вольно, можете сесть. Расскажите товарищам, за что вы представлены к ордену боевого Красного Знамени.

Парень смущенно помялся у двери. Потом присел на ступеньки землянки, снял каску. Под ней оказалась помятая бескозырка. «Беспощадный» — было выведено золотом на черной ленточке.

Мы оба невольно улыбнулись — настолько не соответствовало грозное имя детски наивному выражению лица матроса.

— Как вас величать, товарищ Ряшенцев?

— Костя... Константин Михайлович, — поправился матрос и залился румянцем.

— Так вы, кажется, тоже киноработник? — спросил Дима.

— Да... Да, собственно, нет. Еще не успел им стать... Меня призвали с первого курса ВГИКа...

— Мы с капитаном Рымаревым тоже гиковцы. Ну, Костя, как же вы спасли жизнь нашему комиссару?

Костя опять смутился. Комиссар улыбнулся.

— Ну ладно, я сам расскажу.

И он стал рассказывать так, будто выучил очерк из фронтовой газеты:

— Первого сентября наш отряд получил приказ перейти в контрнаступление на деревню Ассы и занять господствующую высоту. Немцы сосредоточили против нас большое количество пулеметных точек и гнезд автоматчиков. Наш батальон выбил их из деревни. Увлеченные преследованием врага, матросы выскочили на окраину. Домики остались позади. Мы бежали вперед, прочесывая сады и огороды. Неподалеку от меня бежали Ряшенцев и матрос Ружанский. Мы пересекали капустные гряды. Бежать было очень трудно — мешали большие скользкие кочаны. Вдруг где-то рядом резко затре-

щали автоматы — один, другой, запели пули, кроша капусту. Мы, как по команде, упали между грядок. Только потом я почувствовал, что ранен...

— Да, я услышал, как вы позвали меня, — оживился Костя, — «Ряшенцев, следите за противником — он рядом...» Дальше я ничего не мог разобрать...

— Видимо, мой голос заглушила новая автоматная очередь. Почти одновременно с Ружанским Ряшенцев ответил несколькими выстрелами. Снова наступила тишина...

— А потом Ружанский закричал: «Вижу фрицев. Они ползут к нам, двое... Берегитесь, берегитесь, товарищ комиссар!» — Костя волновался, переживая все заново.

— Автоматные очереди заглушили голос Ружанского, — спокойно продолжал комиссар. — Когда наступила тишина, я стал звать его, но он молчал. Тогда я стал звать Костю. Он отозвался и приподнял голову...

— Хотел увидеть, где немцы, — нетерпеливо вставил Костя.

— Да... Но треск и визг пуль еще плотнее прижали его к земле...

Косте не сиделось на месте, он волновался.

— Ну, и что же дальше, Костя? — спросил комиссар.

Костя с готовностью подхватил рассказ:

— Мне стало страшно, я понял, что, если не придумаю выхода, буду убит, а раненого комиссара возьмут в плен. Что же делать? Где искать выход? Слышу, застонал комиссар. Чуть приподняв голову, я увидел за большим кочаном капусты фрица.

Он выглядывал, прицеливаясь в направлении Аввакумова. Я спустил курок и увидел, как дернулась голова фашиста. Неужели попал? Где же другой? А он как даст длинную очередь! Я упал на самое дно грядки, меня присыпало капустной крошкой. Осмотрелся. Слышу, комиссар опять застонал и зашелестел капустой... Фриц замер, наверное обдумывая план действий, а может быть, он решил, что я убит... Надо было перезарядить обойму... Затвор весь забит землей, вдруг откажет... Так мы лежали тихо-тихо, очень долго лежали. Вдруг я услышал шорох и увидел немца. Он стоял боком ко мне, совсем близко и держал автомат на изготовку.

Какая сила подбросила меня, я не знаю. Я вскочил и штыком его. Он упал между вилков капусты. Я бросился к комиссару. Он был жив, но потерял много крови... Неподалеку лежал мертвый Ружанский с простреленной головой...

Костя кончил свой рассказ и опять смутился.

Вот сейчас золотая надпись на ленточке его бескозырки воспринималась нами совсем по-другому.

— Скажите, Костя, вы не будете возражать, если вас переведут в качестве ассистента оператора в нашу Черноморскую киногруппу?

— Если говорить начистоту, то из своего морского батальона я никуда не хочу переходить. Спасибо вам за интересное предложение, но останусь здесь вместе с моими друзьями. — Костя встал, медленно надел каску прямо на бескозырку, отчего его лицо стало еще круглее. — Разрешите быть свободным? — Костя быстро выскочил из блиндажа.

— Жаль, мировой парень, надежный...

— А вы бы ушли из своей части? — спросил комиссар и, когда мы уже встали, добавил: — Я не хочу скрывать от вас: обстановка здесь безнадежная. Едва ли мы выскочим из этого котла живыми...

Часа три мы ползали по мелким окопам, ходам сообщения, снимая окопную жизнь.

Не успели немного передохнуть, как началась артподготовка. Немцы пошли в атаку. Вначале мы снимали, как выбивают огонь и пыль пулеметы, как, прищурив глаза, с серыми, как земля, лицами, строчат прильнувшие к окопной насыпи автоматчики. Потом земля стала дыбом. Лежавший рядом, такой же серый, как и все кругом, Димка исчез в облаке пыли. Совсем рядом хлестнул пламенем снаряд.

В ушах с болью лопнула какая-то тонко звенящая нить, и на мгновение я провалился в густую тишину, но только на мгновение. С новой си-

лой закипел, засверкал оглушительный водоворот огня, пыли, треска и воя.

— Дима! Дима! — закричал я. Наконец рукой нащупал его.

Он схватил меня за руку и крепко пожал.

— Ты жив? Ну, слава богу.

Огонь стал затихать. Подувший ветерок унес облако пыли и дыма.

В голове возникла мысль: «Кому я здесь нужен со своими дурацкими съемками? Хоть бы дали автомат в руки, и я бы стал стрелять. А то лежи, прижатый к земле, даже снимать невозможно...» Невольно вспоминаю разговор комиссара перед боем, он коротко проинформировал нас о сводке на фронтах: «Дела плохи. Немцы наступают по всему необъятному фронту и подошли вплотную к Москве».

Морской батальон, в котором не было и половины личного состава, вдруг встал во весь рост, матросы посбрасывали бушлаты, надели бескозырки и в одних тельняшках, с оглушительными криками «ура!» ринулись лавиной в атаку.

Мы бежали вместе с матросами, останавливались, снимали и бежали дальше. Немцы не ждали такого маневра, оставили все и бросились врассыпную. В окопах остались только убитые да совершенно очумевшие немецкие и румынские солдаты. Они дрожали, громко стуча зубами, и невнятно бормотали: «Черная смерть», «Черная туча»... Так прозвали враги нашу морскую пехоту...

Впервые нам удалось заснять боевые трофеи. Но вскоре радость первой победы омрачилась. Комиссар сказал:

— Вам надо уходить отсюда, ребята, ночью мы отступим на более укрепленные и более выгодные рубежи. — Голос его был тверд и чуть насмешлив.

— Мы пойдем с вами! А где же эти рубежи?

Комиссар промолчал.

— Все же разрешите нам остаться дней на пять.

— Как трудно вас убедить в серьезности положения! Мой последний совет: уходите отсюда немедленно, пока еще есть возможность.

5. Сиваш

Комиссар разрешил нам переночевать в километре от передовой, в старом, заброшенном деревянном сарае. Когда мы добрались туда и легли между рядами спящих бойцов, стало темно. Подложив, как всегда, аппаратуру под голову и завернувшись в плащ-палатку, мы моментально уснули...

Я проснулся среди ночи. В черной темени раздавался густой тяжелый храп. Вдруг дверь сарая распахнулась, кто-то вошел и громко сказал:

— Товарищи! Среди вас находится диверсант! Держите его!

Легко сказать «держите его»! Даже если бы у него было на спине написано, что он диверсант, попробуй найти в темноте! На мгновение в сарае стало тихо. Вдруг рядом со мной кто-то вскочил и, больно ударив меня в плечо сапогом, кинулся бежать. Я слышал в темноте, как вскрикивали люди, — очевидно, на них кто-то с размаху наступал. Скрипнула дверь, и заблестели в проеме яркие звезды.

Ударила автоматная очередь, пули дробно застучали о деревянную стену сарая. Поднялся шум, засветили сразу несколько фонариков.

— Отставить стрельбу! Произвести перекличку! — скомандовал, очевидно, ротный.

Почти до утра выясняли и подсчитывали, кого же нет. Исчез рядовой Остапенко. Наконец добрались и до нас. Сначала арестовали, потом начали проверять документы. В этот момент появился комиссар, и все обошлось благополучно.

— Сами видите, что творится, — сказал нам комиссар. — Могли ночью принять вас за диверсантов и расстрелять без суда и следствия...

Комиссар сообщил нам, что штаб нужно по дислокации на завтра искать в районе деревни Джурчи и что нам лучше всего отправиться туда.

— Пока обстановка в Крыму мне совсем неизвестна, — сказал он нам на прощанье, — судя по всему, Северный Крым полностью у немцев, а парашютный десант они высадили в районе Качи...

До машины мы добрались усталые и разбитые. Товарищи рассказали нам, а мы им, о своих приключениях и волнениях. Наговорившись вволю, мы решили, что Джурчи никуда от нас не денется, если мы переночуем здесь и поснимаем. На этот раз я отправился вместе со связным матросом-мотоциклистом в район Сиваша. Димка остался — для третьего места на мотоцикле не оказалось.

Скоро показались гнилые озера, и мы замаскировались в руинах разбитой станционной сторожки. Небо гудело от вражеских самолетов. Низко носились «мессеры», выше — «Ю-87» и «Ю-88», а совсем высоко кружили корректировщики.

Только когда стало темнеть, я сумел выбраться из спасительной сторожки и пошел вместе с матросом мотоциклистом на передовую. Идти пришлось недолго. Перевалили два косогора, и стало ясно, что мы находимся на передовой. Где ползком, где пригнувшись, по ходам сообщения мы выбрались на небольшую возвышенность.

Ракеты то и дело освещали землю ослепительным светом магния.

Вдали ухали орудия, и нарастающий звук летящего снаряда заставлял пригибаться к земле. От взрывов больно звенело в ушах. Внезапно почти рядом я увидел покрытые бурой плесенью воды Сиваша. Здесь был наш правый фланг.

С левого фланга вдруг послышалась непрерывная ружейно-пулеметная дробь. Матрос сказал:

— Опять немцы пошли в атаку. Жарко там.

Бой на левом фланге шел всю ночь. На рассвете командир батальона вызвал меня к себе на командный пункт и сообщил, что немцы прорвали левый фланг и мы окружены с трех сторон, с четвертой — вода. В следующую ночь, если будем живые, постараемся этим путем выйти из окружения.

Немцы, очевидно, разгадали наше желание уйти ночью и решили покончить с нами днем. Одинна-

дцать атак отбили моряки в этот день. Стиснув зубы, я снимал. В перерывах между атаками, отложив камеру в сторону, помогал оттаскивать раненых, подносить боеприпасы.

И как только начиналась новая атака, я брал в руки свою камеру. Ночью, как назло, вылезла из-за туч луна. Она осветила берег и тяжелую, как ртуть, воду. Остатки батальона моряков, получив приказ, отходили мелкими подразделениями по пояс в соленой густой жиже. Тяжелораненых несли на плечах. Немцы усилили огонь из минометов. Мины, падая в воду, поднимали черные столбы воды.

Я шел по грудь в воде. Плечо ныло от тяжести аппарата. С берега летели огненные струи трассирующих пуль. Вот впереди скрылся под водой моряк. Слева послышался стон и всплеск.

Ужасно сознание собственного бессилия, невозможности помочь, спасти гибнущих рядом товарищей.

Всю ночь мы брели через озеро и только на рассвете вышли на сушу и упали обессиленные. Хотелось плакать и целовать от радости землю...

Наутро я кое-как дотащился до машины, где меня ждали не на шутку перепуганные моим отсутствием товарищи. Как я был рад снова увидеть Димку, Чумака, Федю!

6. Джурчи

Мы двинулись в обратный путь по другой дороге, чтобы заехать в штаб фронта. На этот раз небо просто кишело самолетами. «Ю-87» и «Ю-88» не-

прерывным потоком летели в наш тыл, и слышно было, как там тяжко ухали бомбы. Горизонт заволокло черным дымом. Вдоль дороги валялись убитые лошади и разбитые повозки.

Мы проехали много путаных перекрестков с нагромождением указательных стрелок. Наконец показалось село, это было Джурчи. Шоссе привело нас на пустынную улицу. В селе не было ни души. Только несколько собак лаяли на нас, стоя у закрытых ворот. Впереди нас по шоссе шла белая корова. Из ее огромного вымени тонкими струйками брызгало молоко.

Шоссе привело нас к горящему универмагу. Мы выскочили из машины, сняли несколько кадров, поехали дальше. Странно, почему никого нет? Всюду мертво... Я попросил Чумака сбавить скорость и ехать медленнее.

Вдруг за несколько кварталов впереди я увидел, как из-за угла выскочили и пересекли шоссе камуфлированные самоходки, одна, другая. Затем танк...

— Немцы! Немцы! Назад, скорее, Чумак, назад!.. Черный крест на танке, видишь?

Чумак мгновенно крутанул полуторку в сторону. Машина буфером сильно ударилась в саманную стену дома. Посыпалась глина. Чумак резко дал задний ход. В это время немцы увидели нас.

Первая самоходка окуталась пылью, блеснуло пламя. Снаряд просвистел и врезался в тот же дом, что задели мы при повороте. Снаряд взорвался внутри дома, высадив окно вместе со ставнями. Все окуталось густым облаком пыли. Чумак, развернувшись, дал полный газ. Еще несколько снарядов

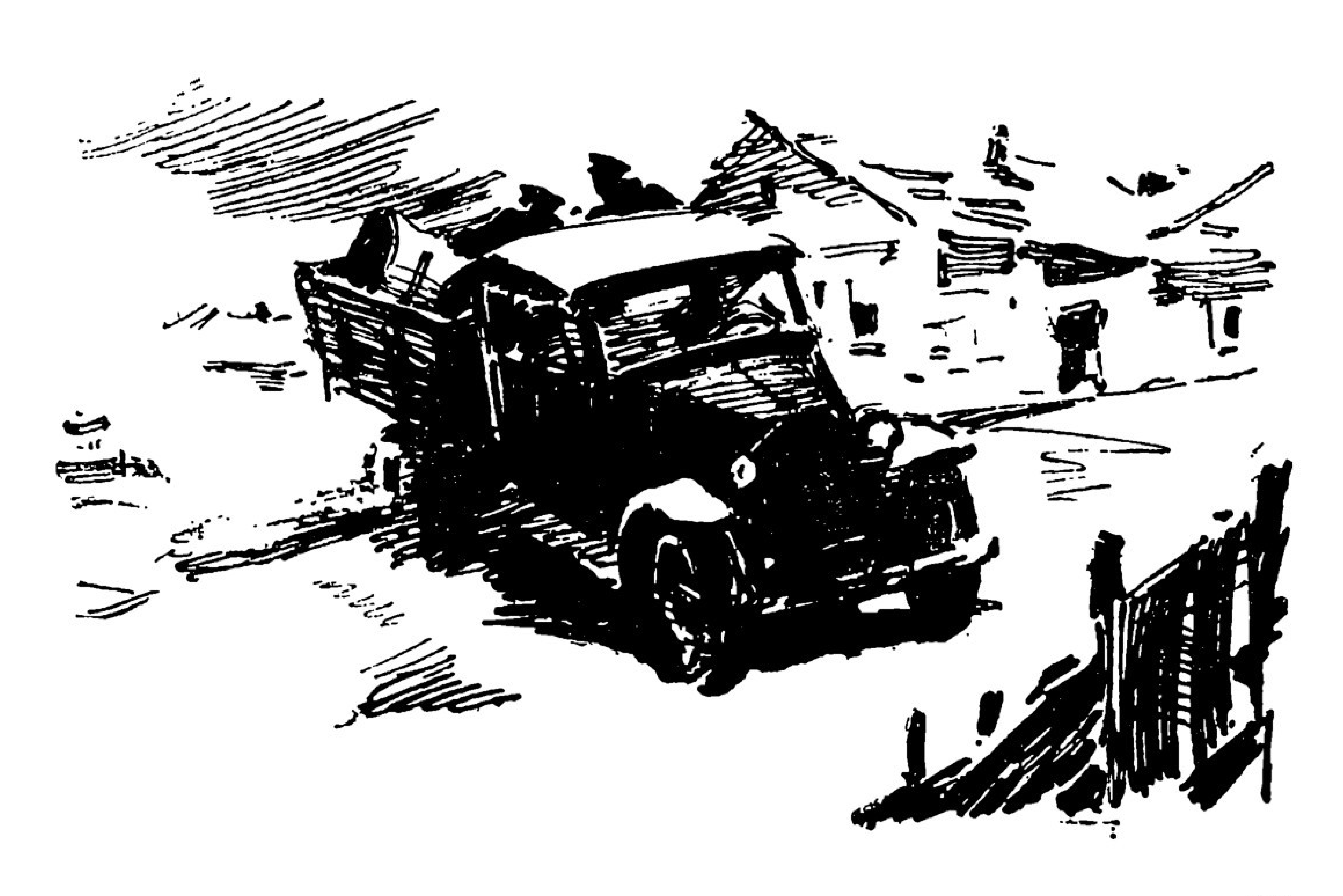
взорвались где-то очень близко. Нас спасала пыль. Мы неслись на предельной скорости. Неожиданно Чумак круто рванул машину вправо, и мы, выбив низкие ворота, въехали во двор. На улице часто рвались снаряды — очевидно, стреляла уже не одна самоходка. Мы пересекли длинный двор и с разгона, выбив саманную стенку, выскочили на огороды. Наша полуторка на большой скорости запрыгала по картофельным и капустным грядкам. Я слышал, как билась и подскакивала в кузове бочка с бензином. Мне было страшно за товарищей: как они там, живы ли?

Отъехали мы от Джурчи километра три и остановились. Деревня исчезла. Мы с Чумаком кинулись к кузову. Там кто-то протяжно стонал, остальные ругались. Коля Аснин остался живым только

чудом. Во время нашей езды по огороду бензиновая бочка подпрыгивала так высоко, что трудно было от нее увернуться, и она на одном из крутых поворотов накрыла Колю. Посадив раненого в кабину, мы с Чумаком помчались в Симферополь. Остановились у госпиталя и повели Колю к врачу. Когда через несколько минут вернулись к машине, ее и след простыл. Аппаратура, пленка, вещи — все разом исчезло. Чумак стоял растерянный, бледный и крутил цепочку с ключами. Нас не было всего пять-шесть минут. Кому она понадобилась? Рассуждать было некогда. Нужно было срочно принимать меры.

Мы побежали к коменданту города. Он сказал, что сейчас диверсанты-перебежчики часто воруют машины. Они хватают первый попавшийся автомо-

биль и пробиваются напропалую через линию фронта. Он распорядился о задержке нашей машины, но добавил:

— Положение сейчас такое тяжелое, что вы лучше забудьте о вашей машине и скорее добирайтесь до Севастополя.

Мы вышли на улицу и побрели совершенно убитые, сами не зная куда. Было почти совсем темно. Вдруг недалеко от нас остановилась полуторка. Шофер, военный, вышел и начал заправлять бак горючим. Мы не верили глазам. Перед нами стояла наша машина! Даже вещи лежали на своих местах в кузове. Я выхватил пистолет и скомандовал похитителю идти вперед. Мы снова предстали перед измученным комендантом.

На прощание он сказал нам:

— Вы, товарищи, выиграли свой автомобиль в безвыигрышной лотерее. Я вам не предлагаю, а приказываю, как комендант района: на рассвете отправляться в Севастополь. В Симферополе к вечеру будут немцы. Рекомендую ехать по Алуштинской дороге. Возможно, что прямая дорога будет перехвачена парашютистами, которые высадились на Каче.

Рано утром мы покинули Симферополь и по Алуштинскому шоссе помчались к морю. Мои друзья журналисты мне не поверили и поехали прямой дорогой. К ним присоединился перебинтованный Коля Аснин. Ему было очень плохо, и он хотел скорее попасть в госпиталь.

Все, кто поехал прямой дорогой, погибли. Только Коле удалось спастись. Шофер в его «эмке» и трое журналистов были убиты сразу. Пули не заде-

ли сидевшего рядом с шофером Колю. Он вытолкнул тело убитого шофера, схватил баранку и выскочил на машине из-под самого носа окруживших его автоматчиков. Но уехать далеко не пришлось: вытекло горючее из пробитого бака. Аснин бросил машину и пошел пешком. Он прибыл в Севастополь на день позднее нас.

Когда мы, измученные, усталые и грязные, добрались до Севастополя, горячо сияло солнышко, густо синели бухты, приветливо кричали чайки, рисуя на синем небе белоснежные зигзаги. Даже не верилось, что враг завершил полное окружение города и стоит под его стенами.

Город готовился к бою.

Старые, заросшие травой и мохом бастионы снова были разбужены звоном лопат. Из тяжелых бревен матросы соорудили блиндажи, пулеметные гнезда, пробили в каменистом грунте глубокие траншеи.

С вершины Малахова Кургана видны стоящие в порту корабли. На берег сходили войска, выгружались танки, артиллерия, боеприпасы. Морская пехота, заполнившая порт, быстро растекалась по улицам, направляясь на линию обороны. Воздух звенел от рокота барражирующих над городом и заливом истребителей.

С корабельной стороны доносятся отрывистые гудки. Это корабли оповещают жителей о воздушной тревоге. «Воздушная тревога!» — вторит ему радио. Будто ураган сметает с улиц все живое. А издали уже доносится нарастающий гул зенит-

ных залпов. Они все ближе, и вот уже весь город гудит от канонады зениток. Черные облака разрывов закрывают небо.

Немецкие пикирующие бомбардировщики стали частыми и надоедливыми гостями.

Ночи проходят так же тревожно, как и севастопольские дни. Враг не хочет дать осажденному городу ни минуты покоя. Он шлет и шлет на него стаи самолетов. Навстречу им разноцветной стеной вырастает заградительный огонь трассирующих снарядов. Один за другим зажигаются десятки

прожекторов, будто невидимые руки в страшном гневе выхватывают из ножен голубые мечи и начинают рубить ими направо и налево. Гладь залива полностью дублирует ночное представление.

Вдруг в одном из лучей ярко загорается светлая точка. Молниеносно все отдельные лучи пересекаются в ней. Враг обнаружен. Как по команде, стихают залпы зениток.

Где-то под самыми звездами в черной высоте ночи возникает бархатистый рокот наших истребителей. Они идут невидимые и оттого еще более

грозные на ярко освещенную в блестящей крестовине прожекторов цель. Неожиданно совсем близко от скрещенных лучей веером рассыпаются красные и зеленые нити трассирующих пуль, и вражеский самолёт вспыхивает ярким пламенем. Лучи быстро склоняются к морю, не выпуская горящий самолет. От него отделяются два сверкающих купола — это фашистские летчики падают на парашютах в море...

На рассвете порозовевшую гладь залива рассекают стремительные торпедные катера, оставляя за собой белый бурун. Они уносятся на дозорную вахту. За ними уходят катера-охотники. Их задача — выловить из залива сброшенные за ночь немецкие мины.

И снова наступает солнечный день. Город встречает его громом артиллерийской канонады, а в воздухе рокочут истребители.

7. Вожак

— Проезд закрыт! Зона повреждения!

Наш новый шофер Петро резко затормозил.

На вокзальной площади нас остановил комсомольский патруль.

— Ждите или поезжайте в объезд, если торопитесь... Там у школы обезвреживают тонную бомбу, — бойко сказала маленькая смешливая девчушка с красной повязкой на рукаве. Ее подруги стояли молча.

— Хиба ж це дило?.. — начал Петро.

В этот момент к нам подкатила черная «эмка». Из нее вышел высокий энергичный человек в черной кожанке и серой кепке.

— Что тут у вас случилось?

По нашей аппаратуре нетрудно было определить, кто мы.

— Пропустите, пропустите! Это наши кинооператоры. Вас, наверно, Антонина Алексеевна предупредила? Будем знакомы. Борисов, секретарь городского комитета.

Познакомились. О Борисове мы много слышали, но никак не могли с ним встретиться. В горкоме он сидел редко, все разъезжал по городу.

Когда мы остановились у школы, к нам подошла первый секретарь горкома Антонина Алексеевна Сарина. С ней мы были хорошо знакомы.

— Искали, искали их, а они сами объявились! — сказала она, протягивая нам руку.

— Профессиональное чутье. Знаем, где жареным пахнет, — пошутил Рымарев.

Мы подошли к глубокой яме, вырытой под стеной школы. Несколько комсомольцев и саперов, раскопав вокруг землю, готовились к подъему бомбы. Ее немного деформированный стабилизатор приковывал взгляд, как палочка гипнотизера.

— А что, если рванет? — спросил Рымарев, разглядывая навесной кран с талями.

— Бомба замедленного действия. Может сработать каждую секунду... — продолжая свое дело, спокойно ответил мичман-сапер.

Все обошлось благополучно. Бомба рванула далеко от города, куда саперы завезли ее на грузовике.

После этой случайной встречи мы виделись с Борисовым регулярно. Он оказался простым душевным человеком. Создавалось впечатление, что в городе он знал каждого, с каждым был знаком, знал нужды и чаяния людей, умел простым теплым словом успокоить, поддержать человека, вселить в него бодрость и уверенность.

— Ребята, снимите школьников Севастополя.

Учебу под землей, — говорил он нам, — чтобы в мирные дни не забыли, в какое время учились, в каком городе живут... Снимите восстановительные работы...

Мы делились с ним своими мыслями, рассказывали о своих неудачах и успехах.

— Сегодня нам удалось заснять Десятую батарею Матушенко, а на фоне Константиновский равелин, как в 1854 году! — похвастался я. Для нас это был удачный кадр, а он воспринимал все гораздо глубже.

— Да, это мысль! Вот ведь какая штука история! Она, как видите, повторяется. И здорово, что вы нашли воплощение этой мысли, такое лаконичное и простое...

Зима в Севастополе выдалась суровая.

15 декабря каждый уголок города был фронтом. Ни один дом, ни один клочок земли не был в безопасности, и люди переселились в убежища. Под землей находились и предприятия.

17 декабря начался второй штурм города. На направлении главного удара враг имел огромное превосходство в живой силе и в технике. В ходе боев немцам удалось прорваться через Мекензиевы горы к шоссе и железной дороге. Немцы отдельными группами появлялись даже на Братском кладбище и Северной стороне. Наши резервы были исчерпаны. Прорвавшиеся 21 декабря через блокаду корабли привезли из Туапсе Семьдесят девятую стрелковую бригаду морской пехоты полковника Потапова, а 23 декабря — Триста сорок пятую стрелковую дивизию полковника Гузя.

И уже 22 декабря прорвавшийся к Северной

бухте противник был отброшен нашими частями, в составе которых была бригада Потапова, а 24-го контратака дивизии Гузя остановила наступление врага на Мекензиевы горы.

В конце декабря нас вызвал к себе Борисов. Мы ехали к нему после съемки на батарее Матушенко. На батарее мы узнали, что в дзоте № 11, отбитом у немцев, нашли тела восьми моряков, оборонявших дзот под командой старшины второй статьи Сергея Раенко. В гарнизон дзота входили также матросы Раенко, Калюжный, Погорелов, Доля, Мудрик, Радченко и Четвертаков. Они сражались в районе деревни Дальняя (Камышлы) на направлении главного удара. Трое суток горстка храбрецов отбивала атаки гитлеровцев. К ним с боеприпасами прорвались политрук Потапенко, матросы Корж, Король, Глазырин. Все, кроме Глазырина, погибли.

Оставшись один среди погибших товарищей, Глазырин продержался до ночи, а ночью, прихватив с собой ручной пулемет, прополз на командный пункт части. Дзот пал 20 декабря. А теперь его отбили и у Калюжного нашли записку:

«Родина моя! Земля русская!

Я, сын ленинского комсомола, его воспитанник, дрался так, как подсказывало мне сердце. Бил гадов, пока в груди моей билось сердце. Я умираю, но знаю, что мы победим.

Моряки-черноморцы! Деритесь крепче, уничтожайте фашистских бешеных собак! Клятву воина я сдержал.

Калюжный».

— О це люди!.. — сказал Петро.

Войдя на КП горкома, мы тут же спросили Борисова:

— Про одиннадцатый знаете?

— Знаю. Знал еще и тогда, когда ребята его обороняли.

— А почему вы не сказали нам? — Димка снял очки и стал обиженно протирать их.

— Ладно, ладно! Вас ведь всего раз, два — и обчелся... Да и пленка все равно бы пропала.

— Нет, вы все-таки скажите, — Димка надел очки, — почему мы с такими ребятами не отгоним фрицев к чертовой матери от Севастополя? Чего они, гады, тут под носом торчат?.. Во что город превратили. Ведь сердце кровью обливается!

Моего друга явно прорвало. Борис Алексеевич молча слушал:

— Ведь нам так немного надо! — Димка весь пошел красными пятнами. — Еще бы пару дивизий!

Борисов молча подошел к карте.

— Вот смотрите...

В комнату кто-то заглянул.

— Мы тебя ждем, Борис Алексеевич.

— Начинайте. Я сейчас подойду... 14 декабря освободили Ясную Поляну, 15-го — Клин и Истру, 16-го — Калязин, — начал он тоном лектора. — Цель нашего контрнаступления под Москвой — это разгром ударных группировок врага, угрожающих столице с севера и юго-запада. Как вы считаете, это важно?

Мы пожали плечами: какой же может быть разговор?

— 8 декабря, — продолжал Борисов, — освобожден Тихвин, и сейчас борьба идет на подступах к Ленинграду. А вы знаете, что сейчас едят ленинградцы?

Тогда мы этого не знали, как и не знали многого другого.

— Так вот, они едят суп из приводных ремней и прокладок... Как вы думаете, сколько может держаться город в таком положении?

Мы молчали.

— И вообще подумайте, что на данном этапе важнее. А то рассуждаете, как мальчишки! А теперь слушайте: у нас сейчас на горкоме будет стоять вопрос о новогодних елках...

Мы недоуменно переглянулись.

— Это очень важно, — как бы не замечая нашего недоумения, спокойно продолжал Борисов. — И нужно это не только детям, но и взрослым. К сожалению, это не наша мысль, а постановление ВЦСПС о подготовке к Новому году...

Мы молчали, отказываясь что-либо понимать.

— Праздничная елка — это вера в жизнь, в будущее... Ну, на этот раз понятно? Вот мы и хотели, чтобы вы все это сняли...

Мы уходили от Борисова подавленные. У нас не было достаточно света, и все, что происходило ночью или в помещении, для нас пропадало...

А на этот раз пропало много. Елки, вернее, сосны — елок не было — в ночной вылазке под самым носом врага доставили матросы Гарпищенко. И здесь не обошлось без приключений: смельчаки, охотники за елками, «сняли» восемь автоматчиков, да еще и языка привели. Если бы это было днем, какой бы у нас был материал. Если бы все это можно было снять! А встреча Нового года?.. Взрослые в своем восторге не уступали детям, а о ребятишках и говорить нечего...

Старый год уходил, и к концу его все атаки немцев на Севастополь были отбиты.

У врага отбили Керчь и Феодосию.

Шел новый, 1942 год...

8. Итальянское кладбище

— Сводка все та же, — вернувшись из штаба, сказал Левинсон. — Завтра на рассвете надо пробраться к полковнику Жидилову. Под Итальянским кладбищем на Федюкиных высотах его КП. Где Петро?

Дорога на Ялту под Сапун-горой простреливалась. Немцы по ночам били вслепую, стараясь блокировать подвоз боеприпасов в расположение седьмой бригады. Днем этот участок дороги поливали прицельным огнем. Нам рекомендовали пробираться туда до рассвета.

За час до рассвета мы были уже на Сапун-горе.

Каким чудом Петро угадывал дорогу, понять было невозможно.

Внизу в черном провале изредка сверкали взрывы снарядов, тишину разрывал сухой и резкий треск. Периодические вспышки орудийного огня и мертвый дрожащий свет немецких ракет освещали нам короткие отрезки пути. Петро на второй скорости скатывал нас с Сапун-горы.

— Смотрите в оба! Только не прозевайте съезда с шоссе влево. А то прямиком к немцам попадем, — беспокоился Левинсон.

Петро остановил «газик», выключил мотор и прислушался. Вдали натруженно работал мотор перегруженного грузовика.

— Треба трошки помацать дорогу, — сказал Петро и, сойдя с машины, ушел вперед. Его тяжелые шаги простучали по асфальту и замерли в темноте.

— Поколупали сашейку, гады, — раздался из темноты его голос.

Петро вернулся, осторожно повел машину дальше и вскоре свернул на грунтовую неровную дорогу. Сверкнул и грохнул взрыв, за ним, еще ближе, другой. Фыркнули осколки, крепко ударяясь о землю.

— Днем хоть видно, как накроет, а тут ахнет — и все с этим вопросом, — тихо сказал Левинсон.

На востоке проступил легкий, еле заметный силуэт горы.

— Итальянское кладбище. Начинает светать. Успеть бы!

Рассвет застал нас на подъеме в гору.

— Стой, кто идет! — негромко крикнул вырос-

ший как из-под земли матрос с автоматом на изготовку.

Вместе с матросом мы нырнули в ход сообщения. Вскоре мы попали в узкую траншею. Она, делая крутые зигзаги, петляла по гребню горы.

Стало совсем светло. Мы пробирались мимо прикорнувших, закутанных в плащ-палатки полусонных бойцов.

— Какого каторжного труда стоила эта траншея! Смотри! Почти скальный грунт, — шепнул мне Димка.

Кое-где в нишах лежали, поблескивая золотыми буквами, матросские бескозырки.

— Читал? — спросил Левинсон.

— Да! «Москва», «Красный Крым», «Бойкий»...

Мы тихо пробирались дальше. Траншею изредка перекрывали деревянные, покрытые землей настилы. Здесь, плотно прижавшись друг к другу, спали матросы.

Мы очутились на небольшой полукруглой площадке. Перед выбитой в скале амбразурой стояла на треножнике стереотруба. У окуляра застыл сигнальщик.

— Можно глянуть? — попросил подошедший Левинсон.

Сигнальщик отодвинулся.

— Пожалуйста, товарищ капитан, только дымка густая. Мешает хорошему обзору.

За амбразурой в розово-мутном провале проступали мягкие контуры горы, увенчанной белой часовней. Завизжал раздираемый, как прочная ткань, воздух. От неожиданности мы наклонили головы.

— Что за чертовщина! — Левинсон отпрянул от стереотрубы.

— Наш артналет на позиции Итальянского кладбища, — громко, стараясь перекричать вой снарядов, ответил сигнальщик.

Вели огонь бортовые орудия кораблей, с Малахова Кургана, с Десятой батареи капитана Матушенко, с батарей Драпушко, Воробьева.

Мы с Димкой приникли к узкой щели амбразуры и сняли начало артналета на высоту. Вскоре гора и часовня потонули в облаках вздыбленной земли.

— Товарищи операторы! — услышали мы за спиной. — Здравствуйте! Наконец-то и до нас дошла очередь!

К нам шел молодой, гладко выбритый офицер в элегантно подогнанной сухопутной форме. У него была приветливая улыбка на открытом энергичном лице. Когда, приветствуя, он приложил руку к фуражке, я заметил, что фуражка морская, с золотым «крабом» и на пуговицах вместо звездочек были якоря.

— Полковник Жидилов, — представился он, пожимая нам руки.

— Я знал, рано или поздно вы к нам в Седьмую бригаду пожалуете. Мне о вашей работе на кораблях и в городе на прошлой неделе рассказывали писатели Леонид Соболев и Сергей Алымов. Ползали они тут у нас по окопам и траншеям. Опасно, конечно. Но вы даже не представляете, что значило это посещение. Известный писатель и поэт, автор песни «По долинам и по взгорьям», у нас в окопах! Они говорили с бойцами, читали стихи. Одно

такое посещение, а сколько сил, энергии оно нам прибавило...

Полковник повел нас на передовой командный пункт на северном отроге горы Госфорта. Жидилов был оживлен. Он был из тех людей, которые с первого взгляда вызывают симпатию. У каждого из нас создалось впечатление, что мы его давно и хорошо знали.

— Смотрите, перед вами, как на карте, позиции немцев. Вот эта высота и есть Итальянское кладбище. Она наполовину наша. Там, где разрывы, сидят немцы. Видите? А эти рыжие плешинки, уходящие налево? Тут последний рубеж нашей обороны.

Полковник познакомил нас с боевой обстановкой, показал на карте и на местности извилистую линию фронта. Когда он ушел, мы сняли общие планы местности и отправились на поиски интересных эпизодов фронтовой жизни.

Солнце поднялось высоко. Канонада затихла. Воздух стал чистым и прозрачным. Засверкала снежным пятнышком на вершине горы часовня.

Где ползком, где ходами сообщения я добрался до рыжих плешинок. Это оказалась выбитая минами и снарядами земля вокруг нашей передовой траншеи. Примостившись около пулемета, я разговорился с двумя бывалыми матросами. Оба они служили не так давно на торпедных катерах. Вид у них был грозный. Перепоясанные и перекрещенные пулеметными лентами, увешанные гранатами, с кинжалами за голенищами сапог, они лежали на плетенке из веток. На головах еле держались надетые залихватски, набекрень выгорев-

шие солдатские пилотки с золотыми якорями под звездочками.

— Что это за штука у вас, товарищ капитан третьего ранга? — спросил матрос с круглым смешливым лицом.

— Автомат!

— Чудно! Автомат? А где же обойма, ствол?

Я показал на объектив.

— Шутите?! — улыбнулся второй матрос, постарше.

— Это киноавтомат, — объяснил я.

— Эх! Фрицев бы шарахнуть в момент атаки! Удавалось? А? — спросил с нескрываемым любопытством круглолицый матрос.

В разговор вступил его товарищ:

— Жаль, вас не было третьеводни! У нас такое творилось! Матрос тут один отличился. Хань — его фамилия. Контратака, значит, была. Небольшой это туман, такой же, как сегодня утром. Видали, да? Вырвался Хань вперед своих, незаметно подполз к фрицам под самый окоп и перекидал им туда все свои гранаты. Такая кутерьма получилась, а он сидит в ложбинке и поливает из автомата направо-налево. Никак немцы его оттуда, значит, выковырять не могут. Один изловчился и бросил гранату. Она матросу прямо в грудь. А он, значит, хвать ее — и туда, обратно, к фрицам в окоп. Тут подоспели свои, как гаркнули: «Полундра!» И привет. Вот как у нас бывает. Жаль, значит, вас тогда не было.

— А вы посидите у нас, не то еще увидите, и фрица, может, живого засымите, — предложил молодой круглолицый...

Где-то недалеко ударил немецкий пулемет, и снова наступила тишина. Матросы приумолкли, деловито скручивая из газет козьи ножки. Острый махорочный дух заполнил траншею.

В Севастополе глухо и протяжно рвались тяжелые бомбы. Эхо лениво передавало гул разрывов от Сахарной Головки Инкерману, затем Балаклавским высотам, оттуда рокочущий взрыв катился к Ай-Петри.

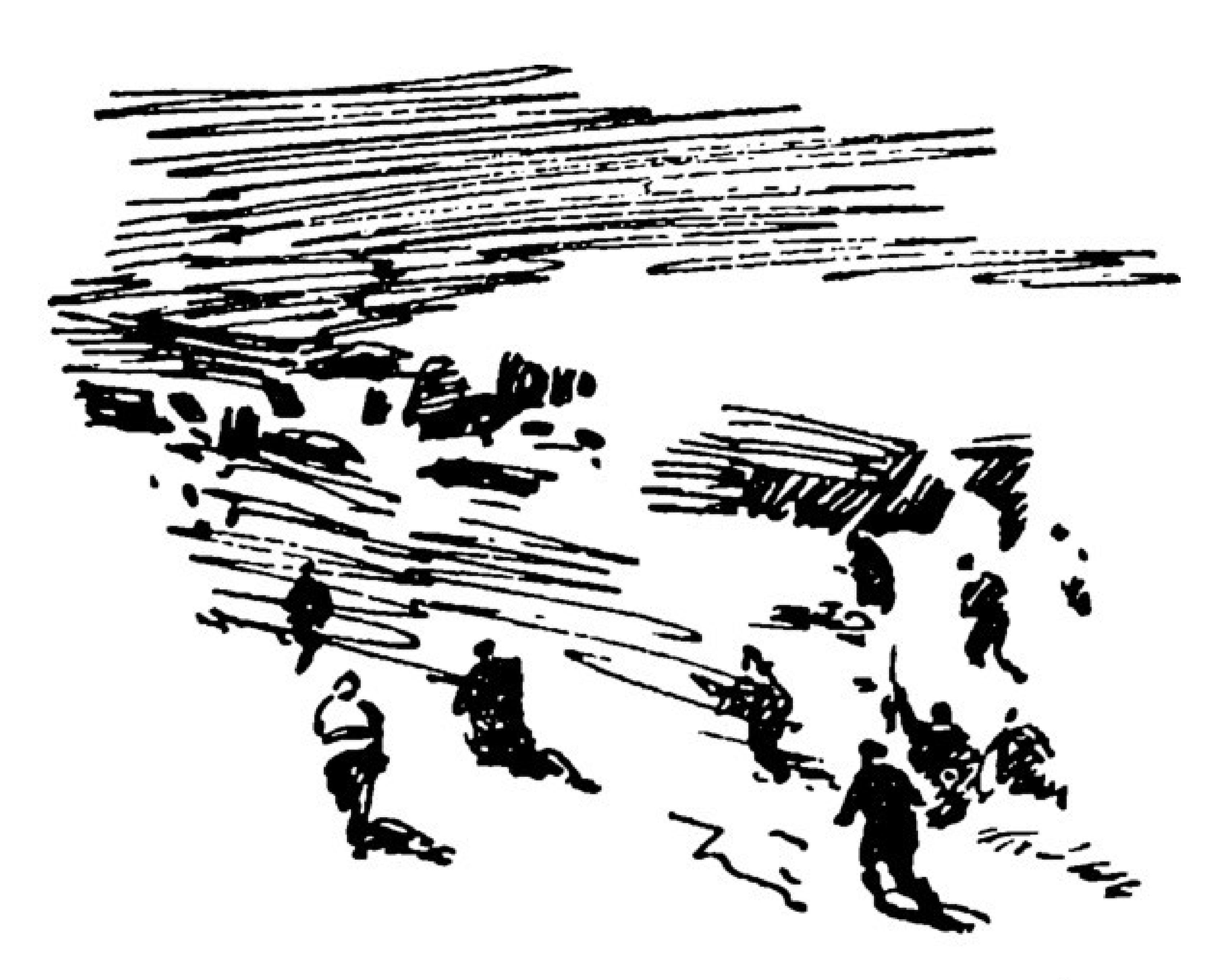
— Страшно там, в городе-то, а? Враз завалить кирпичом может, — кивнул в сторону Севастополя молодой.

— Здесь вроде спокойнее, и видно, откуда враг на тебя кинется, а там днем и ночью капает и капает на голову, того гляди живым похоронят... — конец моей фразы заглушила беспорядочная трескотня автоматов.

— Это ты не скажи, — обращаясь скорее к товарищу, чем ко мне, возразил второй. — Ты не был у нас в декабре, когда мы еще под капитаном Бондаренко ходили... Тут такой ад кромешный был... Ну и задали мы тогда фрицам...

Речь шла о втором штурме Севастополя, который начался 17 декабря. За гору Госфорта тогда сражался батальон Бондаренко. Высота несколько раз переходила из рук в руки.

— А потом еще «психичку» затеяли, гады, — продолжал матрос, — по левому флангу во весь рост напролом перли... Только сами ведь психи или пьяные. Нормальный разве такое придумает? Вот бы что заснять! Цирк! Вот когда их порубали! Только это уже не здесь, а на сто пятьдесят четвертой.

— «Мессер»! «Мессер»! Ложись! — крикнул, смеясь, его товарищ.

Над окопами парила белая чайка. Из немецких траншей застрочил автомат, два перышка вылетели из крыла чайки, и она с резким криком взмыла в небо и молниеносно покинула опасную зону. Снова наступила тишина.

До наступления темноты просидел я в траншее на переднем крае, снимая окопные будни.

Уходили мы из хозяйства полковника Жидилова, когда над Итальянским кладбищем засияли яркие звезды.

В «козле» мирно похрапывал Петро, а над Севастополем метались лучи прожекторов. Было тихо-тихо, только в стороне Сапун-горы натруженно гудел грузовик, видно, один из тех, что подвозили боеприпасы.

— Охфицеры, тримайсь! — весело гаркнул проснувшийся Петро и тронул «козла».

9. Жди меня

— Ты спишь?

— Сплю. А ты?

— Я тоже...

— Эх, дьявол, какой сон перебил!.. В Киеве у матери был, а ты все испортил...

Застонала железная никелированная кровать. Димка перевернулся на другой бок и затих, пытаясь досмотреть хороший сон. В черном окне видна Большая Медведица. Где-то далеко ухали бомбы. Наверно, в районе Балаклавы.

Нас разбудил страшный нарастающий вой. Мы в страхе вскочили с постелей, не понимая, что происходит. Бомбы? Нет. Это слишком сильно для бомб. Обычного сопровождения зениток не было. В открытое окно светила высокая луна...

— Ложись! — успел крикнуть Димка.

Вой перешел в рев, от которого завибрировали внутренности. Раздался взрыв. Мне показалось, что гостиница наша покачнулась и сдвинулась с места. Струя воздуха распахнула двери, сорвав их с крючка.

Наступила тишина. Только где-то на передовой перестукивали редкие выстрелы и постукивал короткими очередями пулемет.

— Одевайся, пойдем выйдем наружу. Мне что-то не по себе...

Наспех одевшись, мы вышли на улицу. В глубине темного провала ворот спал в «газике», похрапывая, Петро.

— Подумать только — спит! Неужели он ничего не слышал?

На Северной стороне залаяли, заторопились зенитки. Охнули одна за другой несколько бомб. Бледные лучи прожекторов заметались под луной и вдруг все разом упали на землю. Снова ночь окунулась в тишину...

Мы вышли на Графскую пристань. Над пло-

щадью возвышалась скульптура Ленина с распростертой к луне рукой.

На лунной дорожке бухты показался катер. У Павловского мыса темнел силуэт эсминца.

— С Большой земли... Может, почту привез... — сказал задумчиво Димка.

— Жду письма и в то же время страшно боюсь: вдруг...

Катер подвалил к пирсу, и на берег соскочили несколько офицеров.

— Операторы, привет! — сказал, отделяясь от группы, офицер.

— Долинин! Здоров! Неужели с Большой земли? Что нового? Ты надолго?

— До конца. Знали бы вы, каких трудов стоило мне сюда вырваться...

Это был комиссар с «Парижской коммуны», капитан Долинин.

— Письма привез? — Димке не терпелось.

— Писем вагон, только операторам что-то не пишут... Не унывайте, скоро еще придет почта на тральщике. А я вам пока «Комсомолку» дам... Между прочим, с новыми стихами Кости Симонова... «Жди меня, и я вернусь, только очень жди...» Всем угодил... Ну, ребята, пока! Тороплюсь, до завтра.

Он дал нам газету и побежал догонять своих, но с полпути вернулся.

— Да, чуть не забыл. С нами на эсминце прибыл из московского радио Вадим Синявский с товарищами. Сегодня они собирались вести радиопередачу прямо с батареи на Малаховом Кургане.

Вадим заинтересовался, где Микоша и может ли он с ним встретиться. Ну как, неплохой у вас будет сегодня кадр, а?

— Какой хороший малый! — сказал Димка, провожая его взглядом.

Впервые я с ним встретился, когда от «Известий» находился на осенних маневрах Черноморского флота и плавал на линкоре «Парижская коммуна». Долинин был комиссаром корабля.

— Вот ведь мог сидеть себе на линкоре в Батуми и ждать конца войны, — сказал Димка и задумался.

— А ты бы усидел?

— Ты что?.. — обиделся Димка.

Где-то далеко, может быть на Мекензиевых горах, застучали, отвечая один другому, два пулемета. По «голосу» одного из пулеметов можно было отличить наш «максим».

— «Жди меня, и я вернусь...» — повторил Димка. — Только вряд ли это произойдет в нашей ситуации...

— Ты что-то совсем раскис, друг мой. Пойдем-ка лучше прогуляемся на вокзал.

Под ногами захрустело битое стекло. Стало светать, когда мы увидели разбитый угол железнодорожного депо и рядом разломанный на множество кусков самолет.

— Так вот что нас разбудило.

Судя по всему, «Ю-88» — два мотора, узкий фюзеляж. Свастика...

— Смотри, трудно даже разобраться, что к чему.

Обломки машины покрывали всю улицу и вокзальную площадь.

— Рванул на собственных бомбах, не иначе, — сказал Димка.

— Пойдем скорее за камерами, а то не успеем снять, уберут.

Мы быстро зашагали в гору, прямиком через Исторический.

Уже отойдя довольно далеко от разбитого самолета, мы увидели на дорожной гальке оторванную по локоть руку. На указательном пальце поблескивал серебряный перстень, а на запястье, целые и невредимые, отстукивали живое время часы.

— Знал бы этот ас, что они его переживут, — Димка сжал губы. — Вот так всех бы вас, подлецов: как протянул к нам руку, так долой, протянул другую — долой.

...Когда после съемки мы вернулись домой, вспомнили о Долинине и свежих газетах с Большой земли. Просмотрели газеты от корки до корки, дошли до стихов:

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди...

За окном завыли гудки.

Гостиницу затрясло, залихорадило, посыпалась штукатурка. В дверях показался присыпанный известкой Петро.

— Як вдарит, вдарит, аж в зубах гирко, як полыни найився.. Кажу, «тикайте хлопцы», а воны лежать уси мертвые...

— Ты о ком, Петро?

— Таки гарны хлопчики, усих поубивало. Хиба ж це дило, з малыми дитьми драться! Бандиты воны, а нэ люди...

Схватив камеры, мы кинулись вниз по лестнице. Коридоры были наполнены едким, горьким дымом. Дым вошел через выбитые стекла в открытые настежь двери. Во рту вязла терпкая полынная горечь, а по горлу будто бы прошелся наждак.

Недалеко от гостиницы посредине улицы зияли две глубокие воронки. У стены разрушенного дома напротив лежали в луже крови два мальчика и старушка, присыпанные белой пылью. Поодаль под поваленной акацией лежали трое: молодой солдат с автоматом и два морских офицера. На груди бородатого капитан-лейтенанта блестел орден Красного Знамени.

— Ты помнишь, неделю тому назад мы снимали его награждение. А потом он шел по Нахимовскому веселый, гордый. Мальчишки забегали вперед и с завистью глазели на новенький орден...

Со слезами на глазах и с плотно сжатыми зубами снимали мы еще одну человеческую трагедию.

Утром мы поехали на Малахов Курган. Его батарея грохотала над городом, посылая снаряды

за Мекензиевы горы. Мы спешили: с Малахова Кургана сегодня ребята из радиовещания должны были вести репортаж.

Мы поднимались уже на Малахов, как небо загудело от немецких самолетов.

Димка не спеша протер очки.

— Сукины дети, прямо на нас прут! Раз, два, три, четыре... Тьма!

Наши камеры заработали, как по команде.

«Юнкерсы» плотной стеной шли из-под солнца прямо на Малахов.

— Непонятно, почему молчат зенитки? — спросил Димка.

— Охвицеры, тримайсь! — закричал Петро.

Мы неслись по узкой полузаваленной разрушенными стенами домов улочке в сторону от немецких самолетов. Машина увернулась от бомб. Они обсыпали со всех сторон Малахов Курган. Мы успели не только вовремя удрать, но и снять нападение врага.

— Ну, теперь, Петро, давай на Малахов...

Но «козел» не успел тронуться с места, как из-за собора вынырнул «мессер», и все мы бросились в ворота.

Пули, как бичом, стегнули по кирпичной стене, оставив красный след и облачко пыли.

Петро выскочил, прыгнул в «газик» и быстро закатил его в ворота. Через несколько секунд снова появился «мессер». Он спикировал так низко-низко, мы даже думали, что ему уже не выйти из пике. Взревев у самых развалин, он взмыл вертикальной свечой в небо.

— Ничего не скажешь, красив, подлец! Какая свеча! Ас, — заметил Димка.

Подождав несколько минут, мы снова запрыгали по ухабам и завалам, поднимаясь к Малахову Кургану.

Перед самым выездом из узкого переулка на Ленинскую улицу Петро остановил «козла». Дальше ехать было невозможно. Огромная воронка от тонной бомбы преграждала путь.

Мы стали пятиться назад, в гору. Сегодня где-то мы отломили глушитель, и теперь машина стреляла, как пулемет. Полуоглохшие, мы, наконец, выехали на Соборную площадь. Чихнув напоследок, мотор заглох.

— Мабуть, карбюратор трошки засорился, чи шо!

Петро выскочил, открыл капот, осмотрев мотор, сказал:

— Пару раз качнем в насос, та и поидемо помаленьку...

Качали все, и не по «паре» раз. Вымокли, устали, а «козел» даже чихать перестал. Наконец причина была найдена: из пробитого пулей бензопровода вытекало горючее.

Оставив шофера чинить машину, мы с Рымаревым пошли пешком.

Сокращая расстояние, пробирались через развалины. Начался артобстрел Севастополя. Эта стрельба была больше рассчитана на психологический эффект. Тяжелые четырнадцатидюймовые снаряды с оглушительным грохотом рвали и поднимали на воздух руины. Мы привыкли к этим обстрелам и шли довольно спокойно, зная повадку

и пунктуальность немцев. Они вели огонь точно по времени и по определенным квадратам. Снаряды рвались в районе Приморского бульвара, Графской пристани, перемещаясь к Минной. Но все же нам было не по себе, и часто, обманутые звуковым эффектом отдаленного выстрела немецкого орудия и мгновенного за ним рева снаряда, летящего, казалось, прямо к нам, мы с Димкой падали на землю. Иногда снаряд перегонял звук своего выстрела, и выстрел слышался сразу же за разрывом. Такие шутки акустики могли стоить нам жизни. К счастью, такие фокусы случались редко, только при особом состоянии атмосферы, ветра и моря.

Недалеко от нас упал, пропахав тротуар, большой рваный кусок железа.

Димка поднял его.

— Горячий, собака, как самовар! Грамм на восемьсот...

Вскоре артналет прекратился, и мы зашагали дальше. Не доходя до вокзала, мы снова услышали грозный голос батареи с Малахова Кургана.

— Наверное, Вадим начал передачу, — сказал Димка.

Батарея била залпами. Эхо раскатисто грохотало среди руин.

— Здорово лупят! Красота! — сказал Димка. — Сегодня воздух какой-то особенный, гулкий... Хорошо несет и держит звук. Слышишь, как вибрирует и рассыпается канонада...

Вдруг сразу после залпа раздался еще один, не то выстрел, не то взрыв, и канонада прекратилась.

Растаяли где-то далеко последние ее отголоски, и наступила тишина.

— Я говорил тебе, что опоздаем. Так оно и вышло. Какую съемку зевнули! А ведь могли успеть. Все ты! «Подождем да подождем»!

Димка ворчал почти до самой батареи. Жаль, если мы действительно опоздали. Выйдя на повороте из-за кустов акации, мы увидели на верхней орудийной площадке суматоху. Бегали, суетились матросы, кого-то несли вниз. К нам навстречу выбежал из блиндажа знакомый политрук батареи, бледный, расстроенный...

— Не до вас, друзья. Потом, позднее заходите. Несчастье! Затяжной выстрел! Всю прислугу перебило и еще двух москвичей с радио. Один еще жив, а другой помер...

Политрук убежал по аллейке к каземату, а мы, пораженные, застыли на месте.

По дороге с Малахова Кургана нам встретилась связистка батареи Фрося. Восемнадцатилетняя девушка-электрик Фрося ремонтировала электрооборудование на миноносце и вместе с артиллеристами перешла с корабля на батарею Малахова Кургана. Здесь она была мастером на все руки: и связной, и электриком, и санитаркой. Она поднималась вверх с большой санитарной сумкой через плечо.

— У вас такая беда, Фрося... — сказал Димка.

— Знаю, я отвозила раненых в госпиталь. Двое матросов по дороге умерли, один — из Москвы, футболист — еще жив. Его тяжело ранило в голову, глаз выбило.

— Постой, постой! Какой футболист? Радиокомментатор из Москвы, да?

— Да нет же! Говорю, футболист. У него голос такой сиплый-сиплый. Я часто слышала его игру в футбол по радио. Он такой сумасшедший, когда забивает гол в ворота, то так орет «урра, гooол», что у меня репродуктор на комоде захлебывается. Такой веселый футболист был.

Димка спросил:

— Скажи, Фрося, выживет он?

— Выживет. Он спортсмен, футболист. Только играть ему будет очень трудно с одним глазом.

...Наконец мы растянулись на своих скрипучих никелированных кроватях.

— Ты очень устал? — спросил Димка.

— Очень. А что?

— Может, все-таки дочитаем? А то неизвестно, будет ли время завтра.

— Ну, давай маскируй окошко, а я зажгу огарочек...

Завесив окно, Димка скрипнул пружинами и затих, положив голову на сложенные руки. Я подождал, пока разгорится огарок, и начал читать. Растопленный воск свечи наполнил комнату рождественским ароматом, и на серой стене заплясали причудливые тени. Они плясали и прыгали, когда мое дыхание при чтении колебало пламя.

Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: повезло.

Димка сел, снял очки и начал их протирать. И я закончил последнее четверостишие:

Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой.
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

Я спросил:

— Ты ничего не будешь иметь против, если я вырежу эти стихи и пошлю их матери?

— Посылай, посылай, мне, ведь ты знаешь, некуда — родители у немцев, а жена с сыном даже не знаю где...

Я написал маме письмо, положил в конверт вместе со стихами. Завтра отвезу прямо на тральщик...

10. Весна

Ночь такая темная, какие бывают только на юге. Теплая, тихая. Осажденный город спит настороженно, скрытый непроницаемым мраком.

Враг, залегший в глубоких окопах, притаился, выжидает, нервничает. Темные ночи на чужой земле обманчивы. Изредка, боясь нападения, немцы освещают переднюю линию фронта дрожащим светом ракет. Когда ракета гаснет, ночь становится еще темнее и непрогляднее...

Вдруг бухта и город озарились ослепительной молнией. Мгновение — и грянул оглушительный залп корабля. Будто черный звездный купол с треском раскололся, обрушился на город.

Наша артиллерия ответила на призыв корабля.

И не успел последний звук замереть в скалистых горах, как новые и новые раскатистые залпы тяжелых береговых батарей окончательно разорвали застоявшуюся тишину. Ослепительные языки пламени вырвали из темноты знакомые силуэты родного города. Снаряды со свистом и ревом полетели на вражеские укрепления, кромсая и поднимая в воздух бетонированные доты, блиндажи, окопы.

Наступил туманный рассвет. К низкому реву орудий присоединились более высокие голоса пулеметов, автоматов и винтовок.

С наблюдательного пункта хорошо видны невооруженным глазом немецкие позиции. Их передовые линии отмечаются черными столбами взрывов. Это наша артиллерия производит глубокую весеннюю вспашку родной земли.

Синей пороховой дымкой, которая с рассвета низко стлалась по земле, постепенно заволакиваются верхушки гор. Итальянское кладбище совсем потонуло и растаяло в ней. Панорама окрестных гор растворяется и исчезает, незаметно сливаясь с голубым весенним небом. И только сияющая снежная корона Ай-Петри как бы одна повисла в безбрежном пространстве.

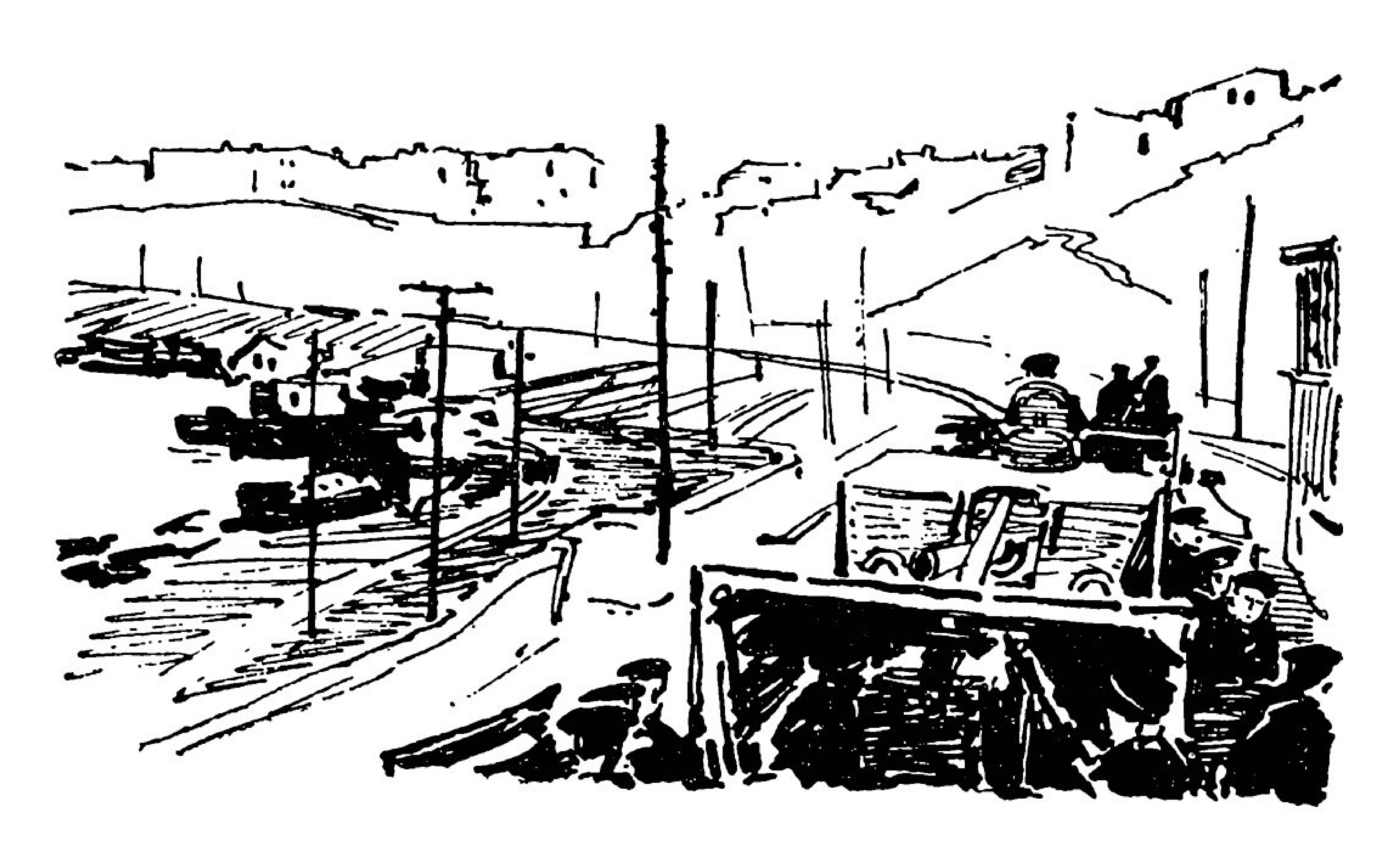
Яркое теплое солнце освещает город, изрезанный синими бухтами. Ныряя в тоннели, по самому краю скалистого берега мчится, оставляя далеко позади облака белого пара, севастопольский бронепоезд. В боевой рубке — командир бронепоезда инженер-капитан Харченко Борис Петрович. Севастопольцы, снимая фуражки, приветствуют его.

Весна в Севастополе ощущается на каждом шагу. И в городе и на передовой. Радостно, по-весеннему кричат дети, выбегая из школы во время большой перемены. Высоко в небе, не боясь шума самолетов, летят на север стаи диких гусей и журавлей.

В районе Херсонесского маяка начались весенние полевые работы. За штурвалом трактора сидит коренастый, с обветренным лицом матрос с винтовкой через плечо и гранатой у пояса.

...После удачной съемки я возвращался по ходам сообщения с передовых позиций. Перебежал, согнувшись, зеленую ложбинку и оказался в густом белом, как в инее, яблоневом саду. На меня пахнул сладкий, медовый аромат, и я прилег на зеленой траве под снежным навесом.

Я забылся, глядя сквозь лепестки яблонь на

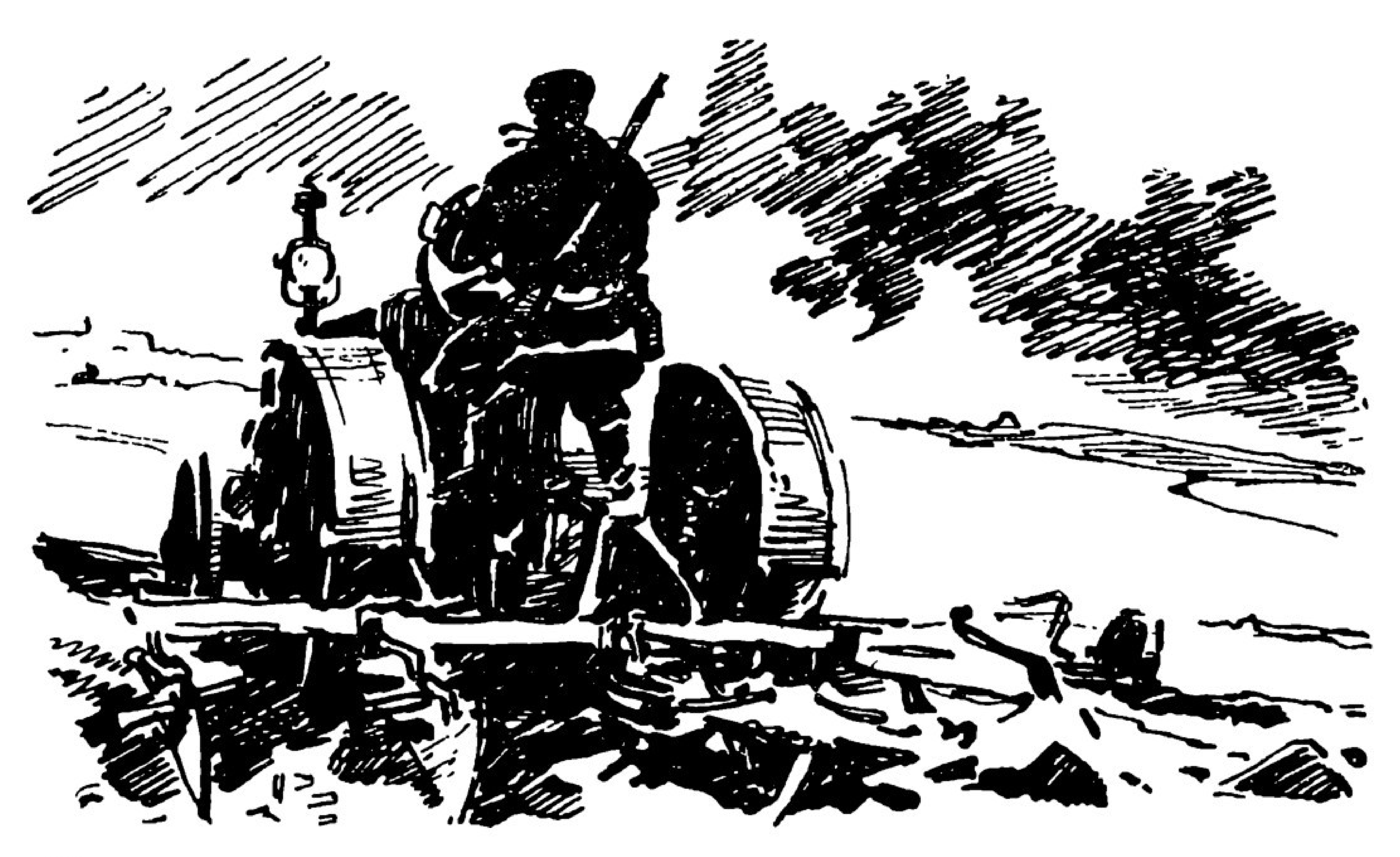
синее безоблачное небо, по которому высоко-высоко плавал немецкий корректировщик — рама.

Чуть не задевая цветы, пролетели надо мной, посвистывая крыльями, дикие утки.

Вдруг совсем недалеко раздался выстрел. Пахнуло ветерком, и к запаху яблоневого цвета примешался запах пороха. Я приподнялся и стал осматриваться. Садик был небольшой. Нигде ни души...

Раздался второй выстрел сверху, словно на ветке, рядом с птичкой. Я понял на этот раз, что стреляют откуда-то сверху. Тихонько встал, пошел в направлении выстрела. Идти далеко мне не пришлось. Низкий женский голос громко и настойчиво скомандовал:

— Стойте, капитан третьего ранга, ни шагу! Черт вас здесь носит! Обнаружат меня из-за

вас... Идите обратно и ждите там. Я скоро спущусь.

Я ничего не понял и стоял в нерешительности.

— Вы что, глухой? Не слышали?

Я послушно отошел на свое место и сел в траву.

Прошло около сорока минут, снова загремел выстрел. Потом я увидел идущую мне навстречу тонкую девушку в пилотке, с полуавтоматом с оптическим прицелом через плечо. Камуфлированная немецкая плащ-палатка задевала за ветки...

— Лейтенант Павличенко, — девушка приложила к пилотке руку. — Не обижайтесь за грубость. Вы мне чуть не испортили все дело.

Она села со мной рядом. Ее спокойные серые глаза смотрели на меня иронически, но с интересом.

— Что это у вас за штука? — показала она взглядом на «аймо».

— Вроде вашей.

— Вы кинооператор? — Она стала расспрашивать меня о моей работе.

Я смотрел на нее, молодую, красивую, знаменитого снайпера Людмилу Павличенко, и своим глазам не верил, что на ее счету двести пятьдесят фашистов.

— Знаете, Людмила, у меня есть заявка из Москвы снять вас за «работой» для киножурнала, но найти вас никак не удавалось.

— Да, это трудно. Вы нашли меня, наверное, случайно, так ведь?

— Будем считать, что мне повезло, а поэтому прошу вас, лейтенант, обратно на дерево, в засаду.

Людмила засмеялась весело и звонко, как девчонка. Она осторожно пробралась к крайнему дереву, удобно устроилась в развилке веток, прильнула к оптическому прицелу. Я снял и как она стреляет и как шагает в больших кирзовых сапогах, как цветущие ветки задевают ее за плащ-палатку, за дуло винтовки.

Мы шли до Севастополя пешком.

Над Севастополем барражировали «ишачки», и гул от их моторов напоминал пчелиное жужжание.

На Корабелке загудели суда, оповещая о новом налете авиации врага.

Стучали по камням кирзовые сапоги девушки-солдата. Над городом заполыхал пожар. Я взглянул на Людмилу. Она шла и о чем-то, нахмурив брови, думала. Я хотел спросить ее, что она будет делать после войны, пойдет ли обратно в Киевский

университет заканчивать исторический факультет, но так и не спросил.

Мы распрощались на Графской пристани.

Нас срочно вызвал на аэродром командующий авиацией Севастопольской базы генерал-майор Остряков. Мы часто наезжали в его хозяйство и любили генерала за душевное отношение к нам, операторам, за помощь в работе.

Рано утром мы с Костей «оседлали «козла» и понеслись на аэродром, а Димка сел в «эмку» генерала Хренова и поехал снимать новые саперные укрепления Севастополя.

Еще не доезжая до аэродрома, мы услышали громкие резкие звуки взрывов. Немцы били по взлетной площадке из тяжелых орудий. Улучив момент, мы удачно проскочили на КП и встретили генерала Острякова. Как всегда, он был чисто выбрит, форма сидела на нем как-то особенно, да и сам он был молод и красив.

— Как хорошо, что вы прикатили.

В этот день предстояло много вылетов. Немцы лупили по взлетному полю, и, несмотря на это, наши самолеты должны были взлетать и садиться. Генерал познакомил нас с предстоящими операциями и напоследок сказал:

— Прошу об одном — быть максимально осторожными и внимательными и зря не рисковать. В остальном я на вас всецело полагаюсь. Я знаю, что вы стреляные воробьи, но тем не менее благоразумие еще никому не помешало.

В сопровождении командира эскадрильи ско-

ростных бомбардировщиков Героя Советского Союза Федора Радуса и штурмана Павла Сторчиенко мы отправились в их капонир.

Перебегая от одного блиндажа к другому под оглушительный грохот разрывов, мы удачно добрались до каменного укрытия, в котором бортмеханики прогревали двухмоторный бомбардировщик майора Радуса.

Федя Радус, молодой, огромный, атлетического сложения, натянул на себя комбинезон и полез в кабину.

— Павел, — крикнул он из самолета, — ты ничего не забыл?

Павел положил в планшет сводку, снял со стены капонира ракетный пистолет и подошел к нам с Костей.

— Ну, пока, дорогие...

Он стоял перед нами, молодой, красивый, рослый, улыбающийся... Через минуту этот человек с открытой светлой улыбкой будет прокладывать среди огня путь для всей эскадрильи.

Я забрался на конек капонира, а Костя остался внизу, у выхода.

Поднялась в небо ракета.

Длинной панорамой я снял, как самолет стремительно вырывается из-под каменной крыши, на которой я стою, как, набирая скорость, окруженный и справа и слева разрывами снарядов, взмывает вверх и как в небе к нему присоединяются другие машины.

Я начал снимать, как эскадрилья проходит над маяком. Вдруг совсем близко раздался сильный взрыв. Меня качнуло волной, и что-то со звоном за-

дело камеру. Боясь свалиться от взрывной волны, я присел на конек капонира. Костя что-то кричал мне снизу, но понять его было невозможно, новые разрывы заглушили все.

— Владик! Ты уронил объектив... — наконец прорвался голос Кости.

— Какой объектив? Он у меня в кармане! Слышишь, в кармане!

Объектив я действительно не ронял. Но, заводя пружину, я случайно увидел, что объектива нет. Остался только алюминиевый тубус, наискосок срезанный осколком снаряда.

На аэродроме мы оставались до вечера и сняли много редких и неожиданных кадров, и среди них благополучное возвращение эскадрильи Радуса. Бомбардировщики садились один за другим, удачно минуя выраставшие на пути черные фонтаны разрывов. Порой густое облако пыли скрывало самолет, и мы с бьющимся сердцем ждали его появления, но все кончилось хорошо.

Поздно вечером мы снова встретились в редакции «Красного черноморца». Димка был жив, здоров и весел. В ответ на наш сенсационный рассказ он рассмеялся:

— А я в этот момент сидел верхом на невзорвавшейся тонной бомбе замедленного действия. Генерала Хренова с полпути вернули руководить операцией по обезвреживанию бомбы.

В тот момент, когда с моей камеры осколком

сорвало объектив, Димка снимал, как саперы отвинчивали смертоносную капсулу. Она могла сработать в любую секунду.

— Товарищи! Внимание! — в кают-компанию вошел Володя Апошанский. Всегда веселый, улыбающийся, сейчас он был строг и сдержан. — Товарищи! Сегодня погиб генерал-майор Остряков.

11. Свастика на дне

Севастополю не хватало продовольствия. Мы с Димкой решили снять, как старые рыбаки под огнем немецких истребителей ловят для севастопольцев рыбу.

Рано утром мы помчались на своем «козле» к берегу моря.

Рыбаки сидели под нависшей скалой у потухшего костра. Их было человек девять. Седые, с черными от солнца и ветра лицами.

— Товарищи сыночки! Как вас там по-научному, кинозасымщики, кажись? Мы люди старые. Нам все едино, скоро на тот свет, к богу подаваться, а вам-то рановато. Может, вы нас с суши тарарахнете, и баста? — покашливая, обратился к нам старичок.

— Нет, папаша, нам надо с вами в лодке быть! — виновато улыбаясь, ответил Димка.

— Тогда слухай, молодежь! Как хрицы высунут свой поганый нос, падай на дно лодки, кажи вид, што все померли. Он покружит, покружит, стрельнет пару раз для порядку, та и сиганет на обед.

— Кончай баланду! Айда на воду! — прервал разговор бригадир.

Мы устроились на большой лодке вместе со старшим и двумя другими помоложе. Из-под нависшей скалы выплыли одна за другой четыре рыбацкие лодки.

Бригадир Иохим Назарович сидел на корме, направляя лодку, а двое других гребли тяжелыми веслами. За нами шли еще две лодки.

Димка, ссутулившись, торчал на банке, поблескивая очками, и вращал головой во все стороны.

— Дим, смотри, плывем в розово-голубой безбрежности... Тишина!

— Ты, между прочим, часто витаешь в розово-голубой безбрежности. Вот солнце взойдет, и фрицы приобщат нас к твоей голубой безбрежности...— Димка снял очки, нахмурил брови и серьезно посмотрел на меня. Но его добрые близорукие глаза не помогли создать впечатления строгости. Он протер очки, снова надел их и расплылся в широкой улыбке.

— Ты прав! Красота необыкновенная.

— Знаешь, на том берегу, около Георгиевского монастыря, просиживал с мольбертом Айвазовский...

— Ране, чем не выйдет солнечко, хрицы не высунутся. Не за што им будет сховаться, — сказал Иохим Назарович.

Рыбаки отмахали километра четыре от берега.

— Суши весла! — подал тонким голосом команду наш капитан.

Мы сняли несколько предварительных кадров.

— Эх, кабы на цвет! — сетовал Димка.

С автоматами на изготовку мы стали ждать, караулить кадры. Ждать пришлось долго. Только с восходом солнца нам удалось снять пару планов, в которых и рыбаки и всплески от вражеских пуль на воде были видны вместе.

— Эй вы, молодежь! Сымайте сюда, а то пробалаболите зазря! — крикнул Иохим Назарович. В этот момент старички вытянули большого морского кота. Он сильно бился и никак не хотел покидать моря. Я боялся, что старики сами упадут в воду.

Как-то неожиданно из моря вынырнуло солнце. Стало жарко.

— Ложись!!! — крикнул, срываясь на дискант, Иохим Назарович. Все попадали на дно лодки. Подпрыгивая, забились между рыбаками морские коты.

— Тиха! Хриц идет! — негромко и теперь спокойно произнес наш начальник.

«Мессершмитт» шел на бреющем полете вдоль берега, мористее нас. Мы сняли его над морем вместе с нашими лодками и стариками. Я видел в прозрачном колпаке пилота. Он смотрел вперед и даже не оглянулся на нас.

Прошло около часа. Наши старики заканчивали свое дело. Улов был хороший. И мы сняли все, что наметили, и даже больше.

— Ложись!!! — крикнул снова наш предводитель. В небе появилось сразу несколько истребителей, и наших и немецких.

— Трое на трое! Им не до нас. — Димка зарядил новую бобышку.

Не успел Димка вынуть кассету из мешка, как

один из самолетов, неизвестно чей, взорвался в воздухе. Падающие обломки и столбы воды нам все же удалось снять.

— Дымит! Горит «мессер»! Снимай, снимай скорей! — заорал мой друг, нацеливаясь на самолет. Я начал снимать в тот момент, когда его камера умолкла, а немецкий летчик у самой воды выровнял машину и стал сажать ее у берега на воду.

«Мессер», подняв каскады брызг, остановился у берега, недалеко от рыбачьей стоянки. Пилот выскочил на фюзеляж, но тут же его самолет скрылся под водой. Немец поплыл к берегу и вдруг исчез.

Мы как одержимые выхватили весла у рыбаков и стали грести что есть силы к берегу. Нас беспокоила только одна мысль: куда делся летчик? Удрать ему некуда, спрятаться трудно. На берегу осталось несколько старых рыбаков.

— Не перестреляет он ваших там? — спросил я Иохима Назаровича.

— Кишка тонка! Как бы наши не перестарались! Живьем его, подлеца, надо брать! Эх, меня там нет! На крючок бы я его там.

Когда наша лодка подошла к берегу, мы увидели в прозрачной воде «мессершмитт». Возле него на дне лежали шлем, перчатки с крагами и ракетный пистолет. На берегу никого не было. На горе стоял Петро и кричал нам что есть мочи:

— Бачили, як вин тикал?

— Что? Убежал, да?

— Та ни!

Мы ничего не могли понять. Петро хохотал.

Наконец он рассказал нам. Когда пилот подплыл к берегу, на него тут же насели старики и,

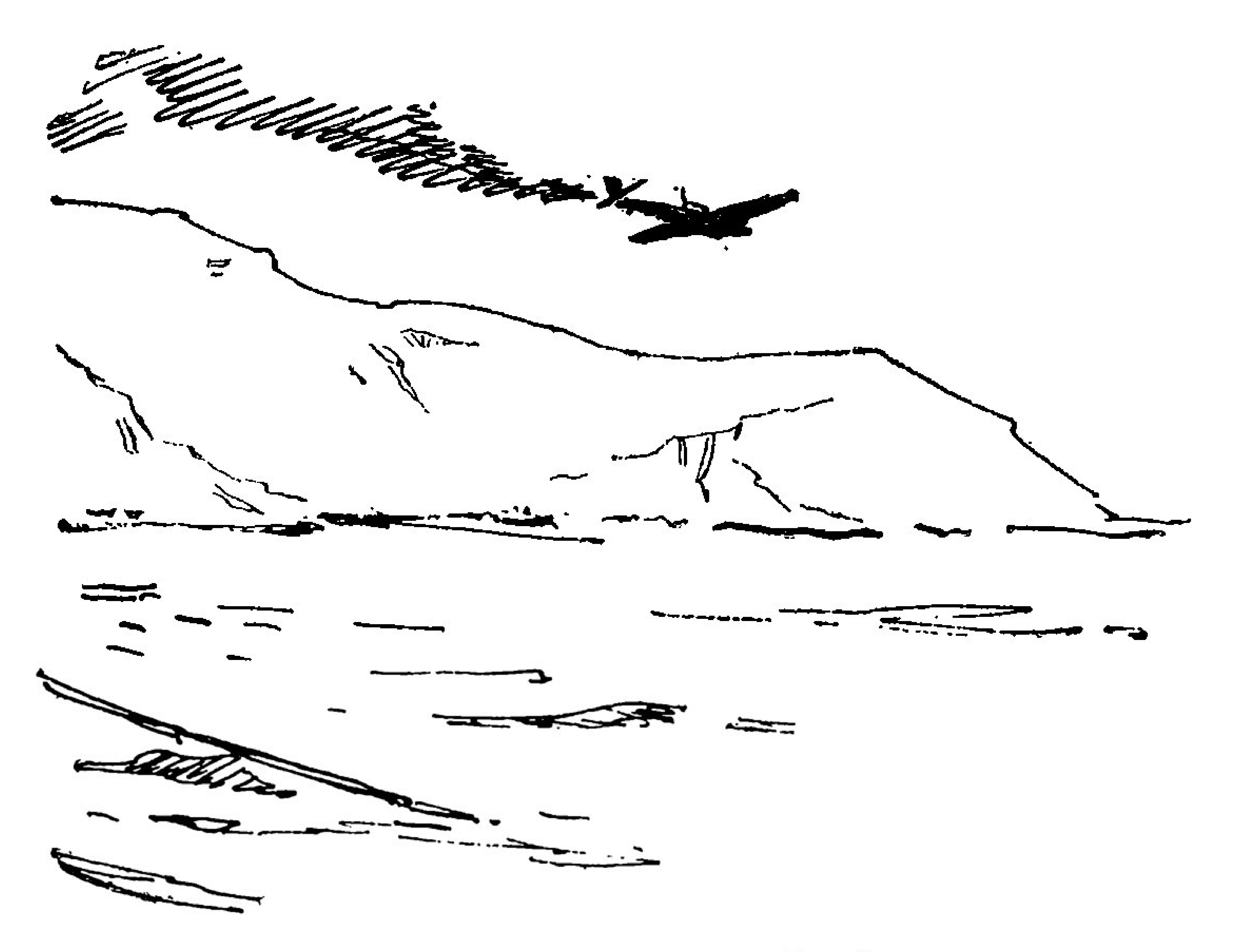
чтобы он не удрал, спустили с него комбинезон до самых колен. Немец оказался спутанным. Тогда ему связали руки и, освободив ноги, тихонько подталкивая в спину, погнали в гору. А там гостя ждали наши разведчики.

Мы сняли сверху лежащий на дне «мессер».

— Давай поможем рыбакам вытянуть его на берег. Только как? — предложил Димка.

— А что, если нам донырнуть до него? Кажется, совсем неглубоко. Нырнем, а? — предложил я Димке.

— Это для нас, брат, пара пустяков. — Дим-

ка принялся снимать китель. Рыбаки принесли длинный трос с кошкой на конце и стояли в раздумье.

— Давайте конец, я нырну и закреплю его там, а вам останется вытянуть его на берег, — сказал им Димка.

— На вот, держи и сигай! — напутствовал Иохим Назарович.

Наши попытки прицепить трос к «мессеру» ни к чему не привели. Расстояние под водой оказалось на много больше, чем выдерживали наши легкие. Я совсем близко видел перед глазами

паучью свастику, но не хватило воздуха, и я выскочил из воды как ошпаренный.

— Эх вы, нырки! Нырнем, нырнем! А кишка тонка! — сказал один из рыбаков, и старики отчалили на свою стоянку за скалой.

Наверху снова показался Петро и замахал нам рукой. Там нас ждал офицер. Он просил допросить пленного летчика.

Вскоре мы въехали в разрушенный поселок. Здесь стояла на отдыхе резервная часть. Вдали шумела небольшая, но плотная толпа женщин. Мы подъехали, встали в «газике» на сиденья и увидели в центре мокрого пилота и двух конвоирующих его солдат, они пытались отбить немца от наседавших женщин. Он стоял бледный, рыжий, глаза его растерянно блуждали.

Мы увезли пленного в штаб. Он оказался сыном известного немецкого художника Тамма.

Когда после допроса Петро мчал нас в Севастополь, Димка, протирая запотевшие очки, говорил:

— Никак не пойму... Один художник пишет море на радость людям, а у другого сыночек расстреливает это море и этих людей... И чего им здесь надо?.. Представь себе, что мы поперлись с тобой куда-то на Рейн... Ей-богу, надо быть сумасшедшим...

12. Прерванная симфония

В мае, после того как наши войска оставили Керченский полуостров, враг стал стягивать к Севастополю войска со всего Крыма. К городу подтя-

нули сверхмощную артиллерию. У немцев была батарея шестисотпятнадцатимиллиметровых мортир и огромная восьмисотмиллиметровая пушка «Дора».

С 20 мая немцы усилили артобстрел города. Позднее Манштейн писал: «Во второй мировой войне немцы никогда не достигали такого массированного применения артиллерии, особенно тяжелой, как в наступлении на Севастополь».

Севастополь эвакуировал мирных жителей.

Теплоход «Абхазия» стоял как бы прислонившись на минутку к пирсу. На причале в Южной бухте собралась огромная толпа, никто не хотел покидать родного города.

Люди сопротивлялись. Их вели силой. Толпа плакала, причитала на сотни голосов:

— Лучше умереть здесь!..

— Не поеду, не поеду!..

Надо успеть отойти до очередного налета авиации, а люди, как назло, идут медленно, еле отрывая ноги от земли.

— Нельзя, нельзя оставаться, мамо! — уговаривали матросы. — Убьют ведь...

— Мои два сына, вот такие же, как вы, полегли здесь, а я уеду! Куда? Зачем? Детки вы мои, оставьте меня, родненькие! Я хочу умереть здесь... Дети мои...

Здесь, перед страшным ликом смерти, все стали роднее и ближе. Мать погибших сыновей — она чувствовала себя матерью этих, оставшихся в живых...

Немцы все ближе и яростней наседали на Севастополь. От города остались руины. Редкие уцелевшие домики выглядели странными островками.

Однажды меня вызвали в Военный Совет Черноморского флота.

— Вашей киногруппе надо перебазироваться в Туапсе, — сказал контр-адмирал.

— А как же Севастополь останется без оператора?

— Приказы командования не обсуждаются! Положение очень серьезное, и мы не сможем в дальнейшем вам всем гарантировать переброску на Большую землю. Сколько вас?

— Два оператора, два ассистента. Разрешите, товарищ контр-адмирал, хоть одному оператору остаться в Севастополе.

Немного подумав, контр-адмирал согласился.

— Только предупреждаю еще раз, что никаких гарантий на возвращение не даю. Решите сами, кто из вас останется, и доложите мне рапортом сегодня же. До свидания! Желаю успеха. Будьте осторожны и не лезьте на рожон.

Мы устроили небольшое совещание. Нас было трое. Левинсон и Короткевич недавно ушли на Большую землю со снятым материалом.

Мы долго спорили. Ребята придерживались мнения, что если уходить, то всем, или всем оставаться. Но приказ командования мы не могли

нарушить. В конце концов было решено, что остаюсь я.

Так проводил я своих друзей в дальний и опасный путь.

На другой день под вечер я отправился навестить своих знакомых в Косой переулок. На месте маленького домика зияла огромная воронка. Успели или не успели они спрятаться в убежище?

Сколько я просидел наедине со своими мыслями, не знаю. Меня окружала влажная жирная темень. Наконец, поборов нахлынувшую тоску, я пошел, сокращая расстояние, не как всегда, по Большой Морской и Нахимовскому, расчищенным от завалов, а свернул по вытоптанной среди битого ракушечника тропинке и стал подниматься в гору. Этот путь я изучил и мог пройти с завязанными глазами прямо до гостиницы.

Ракеты на короткий миг выхватывали из чернильного мрака фантастические, застывшие скелеты домов и обгорелых акаций.

Подул теплый ветерок. Зашелестели листья где-то наверху, среди груды развалин... И вдруг полилась музыка. Что это?

Видно, ожил где-то в руинах уснувший динамик?

Меня не удивила музыка в темном разбитом городе. Меня поразил ее необычный характер. Я почувствовал в ритме этой музыки шаги, четкие, упрямые, тяжелые.

Что это? Может быть, это немцы победно входят в поверженный город?..

Да, это только фашисты могут так шагать.

Передо мной возникла мрачная картина покоренной врагом Родины. Музыка растворялась

в мерцающем свете ракет, а черные протянутые к небу руки руин, казалось, взывали о помощи.

Такого я никогда раньше не слышал.

Может быть, появилось на свет великое произведение искусства, потрясающее душу, проникающее в самое сердце. Его мелодия тонким звуком трубы нарисовала в ночи резкий силуэт войны.

Новый порыв горячего ветра прервал концерт. Только сердце продолжало отбивать ритм оборванной ветром мелодии.

Месяц высунул из-за зубчатых развалин свой тонкий золотой серп. Прошила пунктиром темное небо пулеметная очередь.

Я поднялся и пошел дальше по узкой тропинке. Где-то высоко-высоко послышался характерный звук одинокого «фокке-вульфа».

Вдруг совсем недалеко от меня раздались три выстрела.

Враг подавал сигналы самолету.

Я замер на месте, плотно прижавшись к еще теплой стене.

— Стой! Кто идет? — Громко лязгнул затвор автомата.

Раздался осторожный шорох шагов и невнятный шепот.

Вдруг мимо меня что-то пролетело. «Граната»,— подумал я. Раздался взрыв. За соседней стеной страшный вопль прорезал тишину. Ударила автоматная очередь. Трассирующие пули огненными брызгами разлетелись в темноте.

Потом послышалась команда, недалеко прошли несколько человек. Синий луч фонарика выхватывал из темноты ноги в сапогах, тропинку, автоматы

в руках... Кого-то несли, а он протяжно стонал. Шаги затихли вдали, и снова наступила тишина. Я догадался, что диверсанты уничтожены и наш патруль уносит раненого товарища.

Поднявшийся месяц залил ярким светом место ночного происшествия. В ушах опять зазвучала прерванная симфония...

Я не знал, что на другом конце страны, в другом осажденном городе известный всему миру молодой композитор написал эту гневную, страшную, удивительную музыку. Она навсегда связана для меня с образом Ленинграда и родного, до боли родного Севастополя — «Русской Трои», как прозвал его враг.

13. Кто стрелял?

Ночью вошли на полном ходу в порт теплоход «Абхазия» и эсминец «Свободный». Буксир брантвахты торопливо загородил бонами вход в Северную бухту.

«Абхазия» доставила с Большой земли подкрепление, боезапасы и продовольствие.

Утром, взяв камеру, я пошел из гостиницы «Северной» на обрывистый берег Южной бухты, где внизу у самого берега стояла, разгружаясь, «Абхазия».

У Минной я встретил своего друга — фотокорреспондента Бориса Шейнина. В разговорах мы незаметно дошли до берега, и только уселись у самого края обрыва на ржавые якоря, реликвии 1854 года, как объявили воздушную тревогу.

Борис стоял рядом, плотно прижавшись своим

плечом к моему. Так, чувствуя близко друг друга, было легче ждать...

— Пошли! Пикируют! Прямо сюда! Почему... — Борис щелкал аппаратом, заводил его и снова щелкал.

Я поднял камеру к глазам, но в эту секунду увидал вспышки огня на стволе крупнокалиберного пулемета, стрелявшего в нас с «Абхазии». Горячий ветер обжег лицо, а у Бориса слетела с головы фуражка.

— Стой! Руки вверх! — раздался крик с теплохода.

Бомбы упали далеко от корабля, а пикировщики, завывая, взмыли в небо.

«Абхазия» отваливала от причала, а снизу к нам бежала группа матросов в парусиновых робах, с автоматами в руках. Впереди бежал старшина, размахивая наганом.

На капитанском мостике теплохода стоял офицер, он стрелял из револьвера в нашу сторону и орал на пулеметный расчет. Судя по всему, офицер не умел стрелять: пули даже близко не свистели, но все же положение наше было идиотским. Жизнь зависела от потерявшего разум паникера, перепуганного бомбежкой. Трудно понять, почему в момент вражеского нападения, когда все виды оружия отражали налет «юнкерсов», нашелся такой командир, который сумел огонь одного пулемета направить по своим.

Офицер продолжал кричать и ругаться с пулеметчиками — они, видимо, вовремя поняли, что стрелять по своим нельзя.

Наконец прибежали запыхавшиеся матросы,

схватили нас с Борисом за руки, отобрали аппараты и поволокли, подталкивая в спину, вниз, к пакгаузам.

Воздушной тревоге дали отбой. Нас затолкнули в пакгауз. Прибежал офицер. Я сразу понял, что офицером да и вообще военным он никогда раньше не был.

— Обыскать! — приказал он срывающимся голосом. «Уж не в охранке ли он раньше состоял?» — подумал я, глядя на его серое, одутловатое, небритое лицо с проступившей на щетине сединой.

— Зачем же обыскивать? Мы советские офицеры!.. Сами можем...

Мы не дали себя обыскать, предъявили документы.

Офицер с «Абхазии» менялся в лице.

Матросы, так ревностно выполнившие приказ командира — «поймать и обезоружить», — ухмылялись.

В пакгауз вошел контр-адмирал К.

— Смирно! — скомандовал старшина.

— Вольно. Кто стрелял по берегу? Что случилось? — контр-адмирал обвел всех взглядом.

Борис перебирал руками простреленную фуражку. Один из матросов держал наши камеры.

— Так что тут произошло, товарищи корреспонденты?

— Он, товарищ контр-адмирал, — и Шейнин показал взглядом на офицера, — с перепугу приказал нас с Микошей расстрелять как диверсантов да еще из собственного «ТТ» палил во все стороны.

— Ну и что же, не попал?

— Попал, товарищ адмирал, — сказал виновато Шейнин и просунул палец сквозь дырку в фуражке.

Потный офицер так и стоял по стойке «смирно» и из красного быстро превращался в багрово-синего.

— У вас плохое зрение? — обратился к нему адмирал.

— Никак нет, товарищ начальник! — наконец вымолвил он хриплым голосом.

— Такого звания на флоте нет, — зло сказал адмирал. — Какого дьявола вы дали команду стрелять по своим? А? По своим офицерам! Подняли панику среди населения. Хорошо, никто не пострадал. Не видели, что перед вами советские офицеры? От страха потеряли не только зрение — разум! С какой дистанции вели огонь?

— Сто пятьдесят метров, товарищ контр-адмирал!

— И не могли попасть в цель? Десять суток для обучения стрельбе в цель! Кругом! Шагом арш!

— Вам повезло, товарищи! Могло быть намного хуже. — Контр-адмирал пожал нам крепко руки и пожелал хорошей съемки.

Матросы виновато вернули нам аппараты и гурьбой побежали снова на подвалившую к пирсу «Абхазию».

— Пойдем, пока не поздно, наверх, — сказал я. — Может, еще снимем что-нибудь интересное...

Борис шел рядом и молча крутил простреленную фуражку, боясь надеть ее на голову.

14. Начало конца

Ночь как ночь. Я иду незнакомой тропой в призрачном мраке среди развалин. Они не видны, но я чувствую каждую глыбу, каждую изогнутую огнем балку.

Тишина. Тяжелая, весомая, гнетущая. Мои нервы напряжены. Яркая вспышка прорезала полнеба. Все смешалось, стало дыбом: и город, и море, и небо. Бомбы и артиллерия бессмысленно перемалывали заново уже давно разрушенный город.

Враг бросился на последний приступ. В течение восемнадцати суток, начиная с 20 мая, сила артиллерийского огня и авиаударов нарастала с каждым днем. Ежедневно истерзанный город вспахивали от 2500 до 6000 бомб.

Защитники города дали клятву стоять насмерть до последней капли крови, до последнего патрона.

Да, патроны и боезапасы подходили к концу.

Главный удар враг направлял через Сапун-гору на юго-восточную окраину города.

С рассветом немецкая пехота пошла на штурм истощенного, смертельно измученного севастопольского гарнизона.

Атака была стремительной, злой и упорной, но городом овладеть врагу не удалось. Огромные потери в живой силе и технике не стоили незначительного позиционного продвижения.

Уж несколько ночей после того, как была разрушена гостиница «Северная», мы с Левинсоном и Петром не имели постоянного ночлега. Сначала нам удавалось хорошо выспаться на передовой — в окопах хозяйства полковника Горпищенко, но ко-

гда немцы продвинулись вперед, нам пришлось искать другой ночлег. Им оказалась небольшая зеленая балочка недалеко от полевого аэродрома. Несколько раз Петро отвозил нас туда на ночевку, и мы имели возможность передохнуть до восхода солнца.

Но так продолжалось недолго. Вчера балочку заняла воинская минометная часть, а мы получили официальное предписание от командования расположиться в штольне под скалой на Минной, против Сухарной балки.

— Там веселей, мы снова будем в компании журналистов «Красного черноморца». Они уже дней десять, как переехали,— успокаивал нас Левинсон.

Обстановка под землей оказалась просто невыносимой.

Огромный тоннель был наполнен людьми — бледными, худыми, истощенными. Одни работали у станков, другие — сменщики, утомленные и обессиленные непрерывным и тяжким трудом, — спали тут же рядом у выточенных снарядов и мин. Неподалеку редакция севастопольской газеты «Красный черноморец» трудилась над выпуском очередного номера. А немного в стороне пробивали второй ход сквозь скалу — запасной выход из штольни. Немцы прорвали участок обороны на Северной стороне и со дня на день могли выйти к Сухарной балке. Тогда старый выход из штольни на Минную пристань будет блокирован прямой наводкой через залив.

В сумерках, перед тем как отправиться в штольню спать, мы с тревогой наблюдали за нашими истребителями. Они штурмовали немецкую пехоту,

прорвавшуюся на Северную сторону. Нас отделяла от немцев только полоска морской воды.

Спали мы первую ночь в штольне плохо, хотя у каждого была своя матросская койка. Все время нам казалось, что немцы закроют выход из штольни и мы останемся погребенными под землей. Было душно, и очень хотелось выбраться на волю.

— Ну что, не спится? Немцев боитесь или душно вам здесь, а? Не привыкли к могильной тишине? — К нам подошел старый знакомый, лейтенант Клебанов.

— Так, так... Звезды привыкли считать, слушать пение птичек, а тут даже лампочки вполнакала и то редко горят.

— Брось, Семен...

— Да! Положение, друзья, тяжелое. Вам надо, пока еще не поздно, подаваться на Кавказ. Я пришел предупредить вас: готовьте снятую пленку. Наша редакция через несколько часов садится на тральщик и уходит в Сочи. Вот такая команда поступила. Даже как-то неудобно: вы остаетесь, а мы должны уходить... — Семен присел на мою койку, и лицо его, всегда улыбчивое, веселое, погрустнело.

— Снятой пленки не так много, но если не довезешь ее, сам понимаешь, вся наша жизнь была вроде ни к чему... Тебе ясно?

Через два часа мы расстались с друзьями. Они уходили из Севастополя.

Так нам и не удалось в эту ночь сомкнуть глаз.

На следующий день, на заре, пришла с Большой земли с пополнением хорошо знакомая «Абха-

зия». Она ошвартовалась под крутым боком Сухарной балки. С нее выгружали боеприпасы и одновременно грузили раненых. «Абхазию» все время окуривали густой дымовой завесой. Только изредка в коротких просветах можно было увидеть прижавшийся к крутому обрыву теплоход. Над городом непрерывно рыскали одиночные юркие «мессеры» и многочисленные эскадрильи «юнкерсов». Они ходили над бухтами нахально, не боясь зенитного огня, очевидно зная, что боезапас сберегался для стрельбы прямой наводкой по живой силе. Команда «Абхазии» лихорадочно разгружала трюм, надеясь успеть до наступления темноты закончить одновременно и погрузку раненых. Под покровом ночи ко-

рабль снова должен был прорваться на Большую землю.

Когда взошло солнце, ветер вздохнул последний раз и затих. Дымовая завеса поднялась столбом к небу, и «Абхазия» оказалась открытой.

Мы с Левинсоном стояли на берегу Минной. Я держал «аймо» наготове и следил за «юнкерсами».

— Увидели, гады! Ну, пропала, пропала «Абхазия»! Смотри! Выходят на цель, сволочи!.. — Левинсон не говорил, а кричал. — Снимай! Снимай! Пусть все увидят! Пикируют на беззащитный транспорт с ранеными!..

Рев пикирующих самолетов и рокот работающей

камеры заглушали слова Левинсона. Снимая, я не сводил глаз с черной стаи — раз, два, три, четыре, пять... Они заходили со стороны ГЭС — 13, 14, 15, 16... Дальше считать было невозможно. В визире не помещалась вся эскадрилья. Вот, сделав поворот через крыло, «Ю-87» пошли в вертикальное пике. Я видел, как оторвались бомбы у первых трех «козлов». Вздыбилось море. Стена воды закрыла собой «Абхазию», а пикировщики у самого моря, ревя от натуги, круто уходили в небо. Казалось, время замерло и остановило в воздухе стену воды. Наконец брызги упали.

— Урра! — заорал Левинсон. — Промазали, промазали!

К теплоходу подходил небольшой портовый буксир.

— Ложись! Ложись! В душу мать!..—Я увидел, как прямо на нас пикировал «Ю-88». Было видно, с ним вместе, немного впереди, летели две большие бомбы.

— Ну, вот и все! Прощай, Владик! — Левинсон успел протянуть мне руку. То ли крепкое рукопожатие отвлекло, то ли нервы были перенапряжены, но свиста бомб и близкого разрыва я не услышал. Меня приподняло и сильно ударило о землю — так, что я не мог вздохнуть. «Пропали легкие», — мелькнуло в голове, и я стал задыхаться. Черный дым закрыл все вокруг.

— Владик! Владик! Ты жив?

— Жив, кажется...

Совсем рядом курилась желтоватым дымком большая воронка. Вокруг присыпанные землей уби-

тые и умирающие. Слава богу, глаза целы, только в ушах стоит колокольный звон. Да, но почему же я сижу? Где же камера?

— Ты что сидишь? Ранен? — подбежал ко мне Левинсон.

— Где «аймо»?

— Ты с ума сошел или дурака валяешь? В руках! Да нет! В твоих, Владик! Владик! — Левинсон помог мне встать на ноги. — Смотри, опять идут. Много их, бог ты мой, сколько...

Я увидел большую эскадрилью. «Ю-88» шли теперь прямо через Минную. «Абхазия» стояла голенькая.

— Где же эта дурацкая дымзавеса? Как много их — в кадр не лезут, сволочи!

Камера работала. Только бы не отказала! Только бы хватило завода. Больше, кажется, ничего на свете меня не интересовало. Снять во что бы то ни стало. Снять! Я через голову вел панораму. Было очень неудобно сохранять равновесие, и я боялся завалиться назад. Это почувствовал Левинсон и вовремя поддержал меня за плечи.

Я увидел в визир «аймо», как не то первые бомбы попали в буксир, проходивший в этот момент под боком «Абхазии», не то закрыла его вздыбленная вода, только он вдруг стремительно исчез под водой. Следующая, еще более густая партия бомб задела бак корабля. Я увидел, как взлетела вверх крестовина мачты и долго, как мне показалось, висела в синеве неба. Над «Абхазией» взвилось яркое пламя, и все вокруг смешалось с новым высоким каскадом вздыбленного моря.

Камера остановилась. Заведя пружину, я побежал вперед, но тут же с размаху упал. Держа камеру на весу — инстинктивно оберегая ее, — я сильно ударился плечом и головой о землю.

— Тонет! Снимай, снимай скорее! Что с тобой? Ты ранен?

Я ничего не понял, не успел ответить другу — вскочил на ноги и увидел, как, накренившись на правый борт, тонет «Абхазия». Не сходя с места и отсняв весь завод, я двинулся вперед, но снова упал и ударился еще больнее.

— Ты все же ранен. Давай посмотрим. — Левинсон наклонился надо мной, а я залез руками в черный мешок и стал перезаряжать аппарат.

— Странно, брюки пробиты, а крови нигде нет. Болит нога? А эта?

Мы вместе осмотрели обе ноги, но ни одна не болела.

— Сними китель! Смотри!

На спине у поясницы просвечивали два рваных отверстия.

— Ты в рубашке родился, — развел руками Левинсон.

Я оделся и при помощи Левинсона попытался встать на ноги. Но правая нога отказалась повиноваться.

— Неужели контузия? В такой напряженный момент только контузии не хватало. Надо снимать, а тут эта чертовщина...

— Пошли в штольню. — Левинсон взял меня под руки, как ребенка.

— Подожди, дай хоть доснять пленку.

Я снял полузатонувшую «Абхазию», воздушный бой перед нами над бухтой, но, когда кончилась пленка, Левинсон утащил меня в штольню.

15. Бессмертие

— Да, завтра бой... Немцы полезут валом...

Левинсон приподнялся, посмотрел на меня из-под плащ-палатки:

— А я думал, ты спишь! А ты все о том же... Завтра — уже сегодня. Давай смываться в город. Скоро будет совсем светло — застрянем.

Над Севастополем полыхало пламя, и рвались с небольшими промежутками бомбы. Прожекторы перестали беспокоить немцев.

— Оце воны, наши охфицеры, шкандыбають, — услышали мы голос Петро из темноты оливковой рощицы. Он с кем-то прощался. Затарахтел мотор нашего «козла».

Нога болела, и я еле дошел. Левинсон помог мне забраться в машину, и она запрыгала по жесткой дороге к Севастополю. Петро был молчалив и мрачен.

— Ты чего так расстроен? — спросил его Левинсон.

— Та ничего. Трошки побалакал с хлопцами-земляками. З пид Полтавы воны, зовсим пацаны... Хибаж це дило?! — И Петро замотал головой, свел брови.

Нога разболелась основательно, и Левинсон решил отвезти меня обратно в штольню.

— Сегодня тебе нужно отдохнуть, отлежаться, а то черт знает, что будет завтра... Петро, скорее в штольню, пока капитан третьего ранга не передумал! Ты этим не шути, — обратился он ко мне. — Немцы на носу. На одной ноге никуда от них не денешься!

— А на двух денешься? Ну ладно, вези куда хочешь!..

В штольне меня заботливо уложили в чистую постель. Где они только все это умудрялись стирать, гладить?.. В этом черном, горящем, грохочущем аду...

Я лежал наверху двухъярусной матросской койки и смотрел в темный каменный потолок. Снова и снова память возвращала меня к тому злополучному дню. Стоит закрыть глаза, как снова появляется и висит в небе крестовина мачты. Сколько было связано с этим кораблем! Где теперь и уцелел ли тот паникер особист, стрелявший в нас с Борисом? Может быть, остался там, на корабле? Жаль, хоть и дурак. Где теперь Борис?

Незаметно я уснул.

На другой день утром, тяжело хромая, я вышел на Минную. Перед нами на другой стороне бухты лежала на боку полузатопленная «Абхазия».

— Здоровеньки булы! — подкатил, как всегда веселый, Петро.

Мы помчались в Севастополь. Низко над городом, пронизывая черные дымы, шныряли «юнкерсы» и «мессеры».

— Летают, подлецы, как хотят! Где же наша авиация? Как можно бросить такой город? Это же

Севастополь! Нет, нет, тут что-то не то! Уверяю тебя, не то, — непрерывно повторял Левинсон.

Подъем кончился. Мы выскочили наверх. Петро затормозил «козла» под скалой у последнего поворота дороги. Дальше шел открытый участок. Он тянулся километра два, и беспрестанно в шахматном порядке на нем рвались мины. Немцы блокировали дорогу, пытаясь прервать единственную сухопутную линию, связывавшую Минную с Севастополем.

Мы вышли из машины и начали изучать — не обстановку, которая и без того была ясна и понятна, а закономерность во времени между взрывами мин. Ехать просто так, очертя голову, было безрассудно.

— Придется загорать, — сказал Левинсон, расстегивая китель.

— Загорать так загорать! — Петро сел в тень под скалой. — Закуримо, шоб дома не журились! — добавил он, затягиваясь.

«Загорали» мы около полутора часов и, наконец, нашли короткие периоды затишья.

— На большой скорости можно проскочить. Ты как думаешь, Петро? — спросил Левинсон. — Проскочим, а?

— Хибаж я знаю? Мабуть, проскочимо! Треба помацать! — сказал, пожимая плечами, наш ас.

— Надо проскочить, а не «мацать»! Понял? — Левинсон застегнул китель.

Без четверти девять Левинсон крикнул:

— Вперед!

«Козел» выскочил на открытый участок и рванулся вперед. Петро низко склонился над баранкой.

Немцы на этот раз подтвердили свою точность. Только мы проскочили половину пути, как на участке, где еще не успела рассеяться пыль нашего «козла», появились сразу шесть разрывов. Затем еще шесть ближе, и, когда мы добрались до поворота дороги и скрылись в углублении, завизжали осколки, выбивая дробь совсем рядом.

Над городом висел непрерывный грохот. В бухтах то и дело вздымались белые столбы от бомб и снарядов. Низко шныряли «мессеры».

Немного переждав и разобравшись в обстановке, мы ринулись вниз. Немцы уже овладели северной окраиной и стремились прорваться к берегу. В районе Константиновского бастиона их еще не было. Нам хорошо было видно, как вела беспрерывный огонь батарея капитана Матушенко.

— Какой молодец! Держится еще! Эх, Миша, Миша, недолго тебе осталось! Немцы-то совсем рядом. Смотри, как он их долбит!

Спускаясь с Малахова Кургана, мы успели заметить в прорывах дымовой завесы эсминец «Свободный». Он, как обычно, стоял на бочке около Павловского мыска, напротив метеослужбы.

Петро гнал «газик». Он крутил баранку одной рукой, развалясь насколько было возможно, и больше следил за небом, чем за дорогой.

— Ну как, друзья, до обеда доживем? А?

— Тремайсь, хлопцы! — Петро схватил баранку двумя руками. «Газик» вильнул в сторону, понесся по кирпичным ухабам в заваленный обломками переулок. Только мы успели выскочить из машины и лечь в воронку, дорога вздыбилась черной стеной. Нас густо присыпало землей и щебнем. В «козел»

со звоном врезалось несколько осколков. Он вздрогнул и зашипел. Петро кинулся к машине.

— Хибаж це дило?! — развел он руками, когда увидел, что случилось с «газиком». Пришлось менять колесо. Покрышку прорезало почти пополам, вогнуло обод, пробило радиатор. Пар, свистя, вырывался наружу.

«Юнкерсы» 88 и 87 рыскали над руинами, выискивая малейшие признаки живой силы или огневых точек. Снимать было сравнительно легко: немцы, ничего не боясь, летали низко.

Вдруг появился наш краснокрылый истребитель.

— Снимай! Снимай! — забеспокоился Левинсон.

Я видел, как он летел бреющим, чуть не задевая развалины, потом, дав вертикальную свечу, снова круто спикировал к руинам и исчез за скелетами обгорелых домов.

— Урра! Какой маневр! Снимай! Нет, нет, сюда! — Левинсон схватил меня сзади за плечи и повернул в другую сторону. Я успел поймать в кадр падающий, объятый пламенем «Ю-88» и довел панораму до земли. Земля дрогнула, и к небу поднялся столб огня и черного дыма. Завод кончился, камера остановилась.

— Кто бы это мог быть? Ты не заметил номера на стабилизаторе? Не иначе, как Рыжий! — сказал Левинсон.

Пока я снимал, Петро починил «козла». Машина затарахтела, и Петро крикнул нам:

— Поихалы, хлопцы! — Он перестал произносить обычное «охвицеры» и от этого стал нам еще ближе и дороже.

Наконец из хаоса кирпичей мы вырвались на шоссе.

Вдруг меня осенило: а что, если снять Рыжего?

— Петро, разворачивай «козла» и что есть духу на аэродром!

— Я, кажется, правильно тебя понял, Владик, — хочешь снять Рыжего на аэродроме? — сказал Левинсон.

— Нам скоро и разговаривать будет ни к чему...

Мы выскочили из раскаленных руин и помчались по шоссе.

— Оце дило! Кудой зараз ихать? — спросил Петро.

Венчая треугольную вытянутую к морю площадку, стоял на самом краю берега белый маяк.

Аэродром пуст. На середине взлетной площадки стоит брошенный железный каток. Несколько дней назад им укатывали повреждения.

— Осторожно, Петро! Надо изучить обстановку. Засекай время. Высчитаем периоды обстрела и поедем, — скомандовал Левинсон.

— Судя по взрывам, обстрел ведет одна батарея. Четыре взрыва, то вместе, то один за другим, затем промежуток минута-две и снова...

Наконец на берегу моря под высоким обрывом мы нашли майора Дзюбу. Он ожесточенно жестикулировал, разговаривая с группой офицеров.

Мы подошли и остановились в сторонке.

— Вы что, ребята? — сдерживая свой пыл, спросил Дзюба. — Честно говоря, мне сейчас не до вас, друзья! За тридцать минут до вашего приезда «мессеры» у всех на глазах потопили нашего Рыжего. Помните, вы снимали его на аэродроме... Да и вообще.

Майор, не договорив, махнул рукой.

— Товарищи офицеры, подождите меня там, под скалой! Я скоро! — Он опять повернулся к нам. — Вчера наше КП накрыло тяжелым снарядом. Все погибли. А я вот, как видите, еще жив. У нас снимать нечего. Есть приказ не летать. Беречь последние силы на случай... — он замолчал на секунду.— Вы же знаете положение, ребята.

— Знаем. Все знаем...

— Так вот, — снова начал майор, — лучше подавайтесь отсюда. Через десять минут будет массированный налет немцев. До свидания, ребята!

Мы пошли к машине. На сердце было тяжело. Совсем недавно аэродром был жив. По краям летного поля возвышались каменные горки — капониры, под ними в широких траншеях стояли истребители, бомбардировщики.

Я вспомнил, как снимал эскадрилью майора Радуса. Теперь большинство капониров пустовало, некоторые стояли разрушенные. На поле чернели многочисленные воронки...

— Может, дождемся массированного налета? Осталось только пять минут! Попробуем, а? Петро,

ищи место для «козла». Петро, скорей! — подтолкнул я его к машине.

Мы нашли недалеко от дороги каменистую ложбинку с кустами и воткнули туда машину.

— Теперь все следите за небом! — глядя на часы, командовал Левинсон.

— Летят! Вон! Со стороны Качи. Какая точность, а? — Я поднял «аймо» на плечо. К аэродрому приближались одна за другой эскадрильи.

— Черно даже. Как воронье! — зло цедил Левинсон. — Снимай же! Снимай!

— Подожди! Еще, еще, еще немного. Ближе, ближе. Еще чуть-чуть...

И через несколько секунд завыло, засвистело небо.

Аэродром молчал. Жутко было смотреть на эту сцену. Все покрылось дымом, пылью...

Когда наступила тишина, мы сели в машину, но с места не трогались — ждали. В этот момент майор Дзюба с группой летчиков спокойно вышел проверять свое поврежденное хозяйство.

— Слава богу, живы!

— Прощай, майор! Прощай, дорогой Дзюба! — Петро рванул «козла», и он запрыгал, заторопился по разбитому ракушечнику навстречу запыленным развалинам Севастополя.

Мы успели проскочить между двумя массированными налетами. Спрятав машину, нырнули в пещеру, но тут же выскочили наружу. Воздух был полон необычными звуками. Немцы бросали с самолетов куски рельсов, пустые бочки от бензина и другие предметы. Шла психологическая атака с воздуха.

Эти звуки приводили в смятение даже сильных духом, нагоняя страх и болезненное чувство обреченности. Трудно было выстоять, но выстояли, прошли и сквозь это.

Фыркая, как лошади на водопое, сыпались на нас с безоблачного неба зажигалки. Я снимал. Матросы быстро гасили их, посыпая сухим песком. Налет прошел. У Павловского мыска, напротив метеовышки, густо окутанной дымовой завесой, отстаивался до темноты эсминец «Свободный».

Я смотрел на руины Корабельной, на разбитое здание, с проваленной крыши которого днем и ночью объявлял тревогу и отбой какой-то смельчак.

— Ты чего отстал?

Левинсон увел меня в подземелье. Широкий ход в скале вел вдаль, влево и вправо расходились короткие ветви. По сторонам стояли двухэтажные койки, на них спали офицеры и матросы, а в глубине располагалось командование.

Недолго мы наслаждались тишиной и покоем подземелья. Пришел оперативный вахтенный.

— Где операторы? Вы катер заказывали? Идите, он ждет вас при выходе, налево у пирса! Торопитесь, пока отбой!..

Мы вышли на пирс. Нестерпимо ярко сияло солнце. Катер ждал нас. Когда, набирая ход, он вырулил на середину Южной бухты, раздался сигнал воздушной тревоги.

Выскочив на полном ходу из-за водной станции, мы увидели пылающий корабль. Я начал снимать. Вся палуба танкера была в огне. Сбившаяся

в кучку команда поливала пламя из огнетушителей. Занятие это, несмотря на трагическую ситуацию, выглядело смешно, несерьезно... Всем, кроме команды, было ясно, что судьба корабля предрешена. Нужно немедля покидать его.

С правого берега подошел вплотную пожарный буксир. Все шланги работали в полную силу, и под их водяным зонтом удалось вовремя снять всех уцелевших и раненых.

С трех сторон на равной высоте шли бомбардировщики. Сначала нам казалось, что они выходят на Графскую пристань, но когда я увидел открыто стоящий эсминец «Свободный», меня затрясло мелкой дрожью. Дымзавеса, потеряв ветер, поднималась столбом в синее небо. Мы уже до деталей знали все, что должно сейчас произойти. Наш катер двинулся вперед, к «Свободному». Я видел, как десятки «юнкерсов» пикировали на беззащитный корабль. Его палубы ощетинились густым зенитным огнем. Затем все исчезло за огромным фонтаном. Страшный гул разрывов смешался с зенитными залпами. На нас обрушилась упругая взрывная волна. Я тут же оглох от звенящих ударов. Набежала волна и чуть не опрокинула катер.

Первый налет прошел. Перезаряжая «аймо», я совсем не чувствовал контуженой ноги. На несколько секунд открылся корабль. Его зенитки резко и звонко дробили воздух. В визире «аймо» я видел, как стреляли крупнокалиберные пулеметы. Из стволов выбивалось колючее пламя, но зенитки глушили звук выстрелов.

Вдруг море, опять вставшее вертикально, спря-

тало все вокруг. Мне даже показалось, что вода захлестнула часть зенитной канонады.

— Мерзавцы! Попали! Попали! — хрипло кричал Левинсон.

Бомбы угодили в эсминец, в центр, в середину корабля...

— Тонет! Тонет! — хрипел в ужасе мой друг. — Снимай! Микоша, снимай!

Я уже не слышал, что кричал Левинсон. Я снимал, как тонул «Свободный». Зенитки продолжали бить по врагу, но их было уже мало. Часть расчетов была перебита, раненые, обливаясь кровью, продолжали стрелять, а палуба под ними уходила в море.

— Пора уходить! Все кончено! Теперь за нас, гады, примутся, — хрипел Левинсон.

Наступил вечер. Немного придя в себя, мы поехали ночевать из города в сторону Херсонеса. Пробираться обратно на Минную мы не решились. По пути заехали в разбитую гостиницу.

— Стойте! Вы куда, друзья? — остановил нас спецкор «Красной звезды» Лев Иш.

— Ночевать под звездами. Хочешь, поедем с нами.

— Красота! Хоть разок высплюсь напоследок, — сказал Лев, подсаживаясь к нам.

— На какой напоследок? Ты что, на Большую землю собрался? — спросил громким шепотом Левинсон.

— Да вы что? С ума сошли? Неужели не понимаете, как близко мы от неба, а не от Большой земли? Что с вашими голосами?..

Над Севастополем полыхало зарево. В небе

звенели чужие моторы. Глухо и протяжно охали взрывы тонных бомб. Город доживал свои последние часы.

Не доезжая до Херсонеса, мы свернули в зеленую балочку. Расстелили одеяла в высокой прохладной траве, легли и долго молчали, глядя в глубокое черное небо.

— А где же твои друзья — Димка, Костя? — прервал молчание Иш.

— Они в порядке, на Большой земле. А где твои — Галышев, Хамадан, Когут, Войтехов? Живы? Не видел их с неделю...

— Вчера видел Галышева на Корабелке, разговаривал с Борисом Войтеховым на пирсе в Южной бухте, а Хамадана и Когута сегодня утром встретил в Камышовой на корабле, — ответил Лев. — Да, чуть не забыл! Видел «Правду» от 15 или 17-го, не помню уж, твоя большая статья там напечатана «Севастополь в эти дни», поздравляю!

Левинсон не спал, но упорно молчал. Может быть, стеснялся хрипоты, а Петро безмятежно похрапывал, лежа на вынутом из «козла» сиденье.

— Вот у кого нервы в порядке. Поучиться бы выдержке и спокойствию. Удивительный человек, простой, благородный... — прошипел и снова надолго замолчал Левинсон.

Где-то высоко в небе опять загудели моторы.

Хриплый голос Левинсона прозвучал командой ко сну:

— Ну что же, подождем утра. Оно, как говорят, вечера мудренее.

— Приятных сновидений, друзья!

— Приятных, приятных! — отозвался Левинсон...

Нервное напряжение и страшная усталость взяли свое. Заснули, и ночь избавила нас от забот, волнений, тревог, пролетев спокойно и быстро.

Когда мы вернулись в Севастополь, было совсем светло.

— Лев, мы останемся здесь. В засаде под Сеченовским покараулим фрицев, а тебя Петро завезет к генералу и заодно в Камышовой заправится. Ты слышал, Петро?

— Прощайте, друзья! Вряд ли нам удастся встретиться.

Мы крепко обнялись, и Петро умчался вместе с нашим другом...

На Северной стороне и в бухте с сухим звенящим треском рвались тяжелые снаряды. Огромные серо-белые кроны накрывали широкие участки земли и подолгу висели над местом поражения. Слабый огонь батареи капитана Матушенко казался ружейным ответом. Поставив на «аймо» телеобъектив, я следил за Северной стороной. Время шло незаметно. Разомлев на горячем солнце, мы уснули.

Проснулись мы от близкого взрыва. Снаряд разорвался на пирсе, около Аквариума.

Мы вдруг забеспокоились. Время третий час, а Петра не было.

— Где же он застрял? Давно пора вернуться... Будем ждать. Не тот колобок, чтобы дать себя в обиду! — успокаивал сам себя Левинсон.

— Только бы не накрыло! Густо сегодня лупят. — Я замолчал, снова остро заныла нога. При-

шлось растянуться на горячем цементном пирсе. Мы разделись и стали загорать. Тревожные мысли лезли в голову: а что, если Петро не вернется?

В горячем воздухе повисла желтая пыль, смешанная с черными разводами гари.

— Ты заметил, чайки совсем исчезли? Это значит дело дрянь!

— Я все понимаю и ко всему готов! Скоро конец, это теперь ясно. Но убей, не пойму одного, куда делся десятилетний боезапас и провиант на случай войны? — говорил Левинсон.

— Брось! Теперь поздно.

— Да, поздно... Полежи-ка тут, а я схожу на разведку. — Левинсон подхватил китель и поднялся наверх.

Солнце опускалось в море, когда он вернулся. Его разведка ничего не принесла. Неужели Петра больше нет? Если даже «козел» пропал, Петро мог прийти обратно пешком.

— Одевайся, пойдем скорее. Надо действовать, а то будет поздно! — торопил меня Левинсон.

С большим трудом выбравшись наверх, я понял, что мое дело дрянь: идти без посторонней помощи я совсем не мог.

Только поздно вечером выбившийся из сил Ле-

винсон приволок меня на пирс. Мне стало совсем плохо.

Что было дальше? Приказ командования: немедленно отправить на Большую землю. Возражения, сопротивление никого не убедили. Оператор без ноги, без возможности передвигаться — балласт для других.

— Я переправлю тебя на Большую землю и вернусь сюда немедленно с Федей Короткевичем. Даю тебе слово, Севастополь без оператора не останется! Ты мне веришь? — говорил Левинсон.

Так Петро и не вернулся. Не вернулись и Лев Иш, и Сергей Галышев, и Хамадан с Когутом. Я жалею, что, прощаясь со Львом Ишем, не взял у него толстую тетрадь — его Севастополь.

Да и разве я знал тогда, что через несколько дней буду на Большой земле, далеко от города, в который ворвался разъяренный и обессиленный враг...

16. Наступление весны

Замер и растаял над Митридатом последний залп тяжелой артиллерии. Керчь освобождена. Немец, бросая технику, теряя раненых, стремительно откатывался к Севастополю...

Шел четвертый год войны. Много за эти четыре года пройдено фронтов, дорог, городов. Но самый главный, самый родной — Севастополь.

Вместе с передовыми частями Приморской армии на своей крытой полуторке мчались мы по из-

вилистому шоссе Южного берега Крыма, вдогонку отступающему врагу. С нами вместе на Крым наступала весна.

Справа и слева по обочине дороги шли пленные немцы и румыны. Кюветы забиты перевернутыми машинами, зенитками, повозками и мотоциклами...

Мы обогнали артиллерию, грузовики со снарядами и, вырвавшись на простор, помчались с максимальной скоростью. Впереди никого, только нескончаемые вереницы пленных. Они шли без конвойных — черные, худые, еле передвигая ноги, не поднимая от земли глаз. Изредка попадались убитые немецкие офицеры: румыны, не желая больше воевать, убивали своих фашистских покровителей и переходили на нашу сторону.

За поворотом показалась огромная самоходка. Она занимала всю дорогу, и обогнать ее было невозможно.

— Как назло! — крикнул нам, высунувшись из кабины, Левинсон. Нас окутало голубое облако выхлопных газов.

— Моня! Давай лучше отстанем, а то задохнемся! — попросил я Левинсона.

Сбавив ход, мы отстали метров на триста от грохочущей самоходки и остановились, чтобы отдышаться на свежем воздухе.

Вдруг дрогнула земля. Впереди из-за поворота дороги, там, где скрылась самоходка, взметнулся черный столб дыма и огня. Больно полоснул по ушам резкий взрыв...

— Неужели рванула на мине? Скорей! В машину!.. — Левинсон вскочил на подножку.

За поворотом дороги мы увидели перевернутую самоходку. Неподалеку лежали убитый майор и хрипящий лейтенант.

Подъехал штабной «виллис», за ним еще несколько машин.

— Осмотреть мост и разминировать! — скомандовал прибывший на «виллисе» подполковник.

По ту сторону мостика выкопали килограммов триста тола. Мы осторожно покатили дальше, внимательно осматривая дорогу. Судак, Алушта, Гурзуф, Ялта — всюду оставили свой след фашисты. Обгорелые остовы домов, расстрелянные жители...

Заминированные и окутанные колючей проволокой пляжи казались холодными и мертвыми. Всюду встречали нас худые, измученные, но радостные и возбужденные лица.

У Байдарских ворот оказался взорванным небольшой тоннель. Вся вереница машин и техники остановилась. Из зарослей шиповника вышли на дорогу несколько бородатых людей с немецкими автоматами и пулеметными лентами через плечо.

— Мы поджидали вас здесь, дорогие товарищи! — сказал один из них подполковнику.

— Мы — крымские партизаны, сейчас покажем вам другую дорогу на Байдары!

Подполковник стоял в нерешительности, не зная, верить или не верить этим незнакомым людям. Его колебания заметили не только мы, но и партизаны.

— Вы зря нам не верите! Мы же будем с вами и никуда не уйдем. Наш штаб далеко отсюда — в Старом Крыму, а документов мы с собой, сами знаете, не носим...

Действительно, дорога оказалась совсем близко. Не очень удобная, но зато верная — без мин и сюрпризов. Через час наша кавалькада проехала Байдарские ворота.

В селении Байдары нас встретили радостными криками и цветами. Через несколько минут спустились с гор партизаны. Здесь мы и заночевали.

Чуть свет, не отставая от передового отряда разведки, мы двинулись вперед. До Севастополя оставалось только тридцать пять километров. Крымский пейзаж омрачили многочисленные солдатские кладбища. Слева и справа от дороги следовали один за другим строгие геометрические порядки стандартных крестов, увенчанных стальными касками.

— Помните, еще в сорок первом году Гитлер обещал штурмовавшим Севастополь войскам в награду за взятый город длительный отдых на берегу Черного моря? — напомнил я своим друзьям.

— Да, знали бы они. как долго продлится их отдых... — подхватил Костя Ряшенцев.

Вот они, наглядные результаты нашей обороны. Теперь мы видим воочию, во что обошлись немцам двести пятьдесят дней, проведенных у стен Севастополя.

На повороте 15-го километра шоссе открылась широкая панорама. Справа от дороги, круто поднимаясь, выросла гора, увенчанная разбитой часовней, — Итальянское кладбище.

— Смотрите! — взволнованно крикнул Костя и высунулся из машины по пояс.

С высоты Итальянского кладбища отлично были видны последние рубежи обороны Севастополя обеих войн: Балаклавские высоты, Сапун-гора, Федюхины высоты, Инкерманская долина, Сахарная Головка...

Когда головная колонна машин с легкой артиллерией приблизилась к подножию Итальянского кладбища, начали посвистывать пули. Шел бой.

Застучала прямой наводкой наша артиллерия. Все рассыпались и залегли в сухой прошлогодней траве. Машины дали полный ход и укрылись за пригорком. Мы залегли в кустах и начали снимать. Пули свистели одновременно с выстрелами — значит, немцы были совсем близко. Присмотревшись, мы увидели их пулеметные точки. Над ними поднимались желтые облачка пыли. Вскоре пыль, выбитая немецкими пулями, и дым от орудийной пальбы заслонили солнце и все вокруг. Как это было знакомо!

Мы еле нашли свою полуторку, хорошо спрятанную в каменном карьерчике у мелкой речушки. Шофер, старшина Дмитриенко, возился у костра. Только мы расположились, как прибежал вестовой:

— Товарища оператора генерал требует!

Мы отправились с ним на КП. Генерал поставил задачу разведчикам — уничтожить пулемет-

ные гнезда на склоне горы. Надо было обойти Итальянское кладбище справа, незаметно подняться и от разбитой часовни неожиданно напасть на немцев. Генерал нарисовал синим карандашом план обхода горы и ниже на склоне пулеметные точки врага. Он обвел их красным карандашом и дал младшему лейтенанту.

— Товарищ генерал-майор, про нас не забудьте! — напомнил я.

— Да, прихватите оператора, если он будет настаивать, и пострахуйте его во время съемки. Задача ясна? Выполняйте!

Мы отправились в обход, прячась за голые кустики, колючки, покрытые сухим прошлогодним вьюном. Незамеченные, мы обошли немцев и вышли на гору выше их расположения. Ниже нас на удобной для обзора террасе лежали за пулеметом трое и время от времени посылали очереди по нашим позициям. Они, конечно, не предполагали, что их могли обойти с тыла.

Я приготовился. Съемка началась по сигналу автоматов. Немцы судорожно задвигались, будто какая-то незримая сила подбрасывала их снизу, и вдруг замерли. Только тут я заметил еще террасу — ниже и правее. Несколько солдат бросили пулеметы и побежали, пригибаясь к земле. Двое из них упали замертво, остальные удрали.

Мы обследовали разрушенную часовню. Перевалили гору. Здесь мне знаком и дорог каждый пригорок, каждый кустик...

«Эх, Димка, Димка, почему тебя сейчас нет со мной?» — подумал я, вспомнив, как мы с ним

грели здесь животами землю. Вот старые наши траншеи, окопы-одиночки.

На ржавой колючей проволоке висит вниз головой немец с длинными соломенными волосами. Его каска откатилась и лежит рядом с другой, ржавой, в которой застрял череп. Трудно поверить глазам — куда ни ступи, всюду кости, скелеты, черепа. Застрявшие между ветвей густого кустарника, проросшие травой, продырявленные каски СС и наши. Позеленевшие гильзы, рваные осколки мин и снарядов. Скелеты, проросшие желтыми подснежниками, перебитые, исковерканные автоматы, диски, котелки и термосы.

Меня догнал Костя Ряшенцев. Мы остановились. Перед нами клочок земли, который в течение нескольких месяцев обороны много раз переходил из рук в руки. Наши и немецкие мины и снаряды глубоко вспахивали эту землю. Проросшие весенними цветами кости героев — защитников города смешались с костями чужеземных пришельцев.

Мы осторожно двигались позади разведчиков. Они рассыпались, внимательно прочесывая кустарник. Меня окликнул отставший Ряшенцев:

— Смотрите, что я нашел!

Костя протянул мне обрывок ленточки. Я с трудом прочитал полустершееся окончание: «ЩАДНЫЙ»...

— С нашего корабля. Кто бы это мог быть?

Неподалеку звонко разорвались одна за другой четыре мины. Мы вернулись из сорок первого года в сорок четвертый. Я взял у Кости обрывок ленточки и положил в записную книжку рядом с фотографией матери. С ней я никогда не расставался.

За крутым косогором напротив Итальянского кладбища сверкнули разом десятки огненных всполохов: «катюши» «сыграли» по Сапун-горе. Мгновение, и там вздыбилась земля — вырос темный лес разрывов. Снимаю. Завожу камеру и снова снимаю... Какая удачная точка! Все как на ладошке: позиции фрицев и наши наступающие части.

— Костя, взгляни только: направо, налево — всюду наши наступают. Севастополь совсем рядом. Скоро будем там!

— У меня такое состояние, будто вина выпил! Голова даже кружится, — ответил Костя.

Да, мы все опьянели от радости наступления, от сознания, что победа близка, — скоро мы ступим на священную землю. Хочется петь, прыгать, кричать «ура!» каждому сбитому самолету, каждому залпу «катюш».

...Но пора уходить. Нас заметили. Мины все ближе и ближе подбираются к нам. Быстро пробежав открытый участок, мы, сами того не зная, очутились посредине минного поля, запутанного тонкой противопехотной проволокой. Она проржавела и рвалась под ногами, как гнилые нитки.

Мы застыли на месте, когда, пробежав еще несколько шагов, наконец, поняли, куда попали. Я хотел что-то сказать, но во рту пересохло.

— Костя! Минное поле! Осторожно! Не сходи с места!

— Здесь, наверное, с сорок первого года никого не было... Как теперь вылезем? — почему-то шепотом спросил Костя.

Близко просвистели пули. Мы присели на кор-

точки, боясь переступить хоть один шаг. Каждую секунду мог произойти взрыв. Я взмок. По лицу катились холодные капли. Костя был бледный и тоже мокрый от пота. Он смотрел на меня вопрошающе, губы его шевелились, но голоса не было слышно.

Прошла минута, другая. Мы осмотрелись. Поле, судя по металлической сетке, было не широким, но длинным. На всем его протяжении сверкали на солнце белые, отполированные дождями и ветрами кости. Немецкие и наши каски, наполненные ржавой водой, отражали солнце, перемигиваясь между собой веселыми бликами.

Шаг за шагом с огромным напряжением воли мы выходили из минного поля. Еще шаг, последний — и оно кончилось. Мы обессиленные повалились на траву.

Придя в себя, осмотрелись.

Немцы, отступив, точно заняли рубежи нашей обороны сорок второго года, а мы теперь оказались на их месте.

— Разве это не удивительно? Знали бы мы

тогда, что будем сидеть на их месте и штурмовать Севастополь... — снова заговорил мой друг.

Все повернулось вспять. Теперь наша авиация висит в воздухе и не дает фрицам поднять головы. Сотни штурмующих «ИЛов» перепахивают Сапун-гору...

«Видел бы Димка!» — подумал я, вспоминая своего друга. Кому-то из начальства пришло в голову отозвать его после керченского десанта на финский участок фронта. Это было для нас, севастопольцев, неприятной неожиданностью. Вместо Димки у нас теперь был молодой вгиковец лейтенант Дупленский, второй Костя в нашей группе.

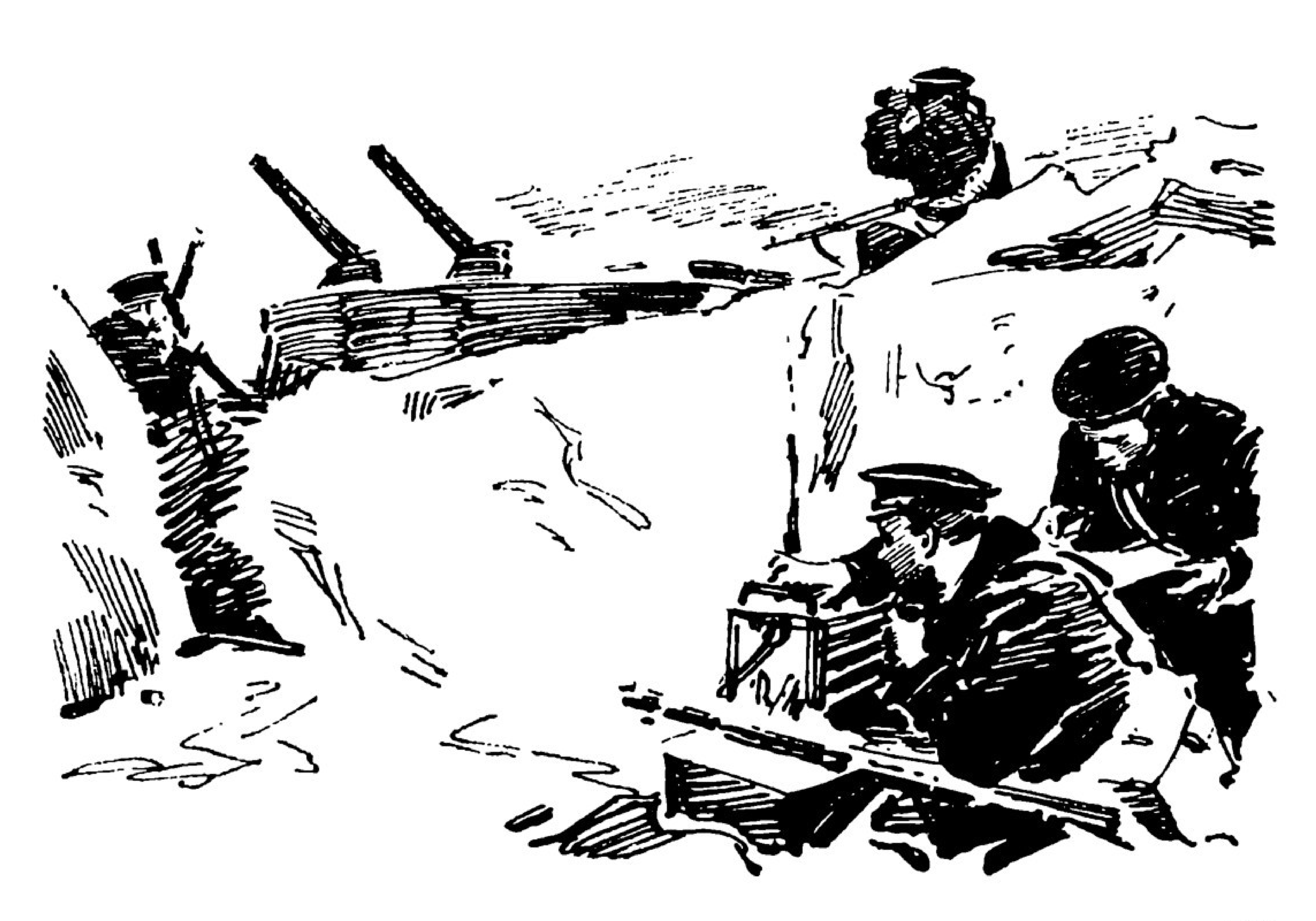
Началось планомерное наступление на Севастополь.

17. Здравствуй, Севастополь!

Содрогнулась земля, завыл, загудел прозрачный весенний воздух. Перед объективом моей маленькой камеры медленно прошла панорама Федюкиных высот. Растянувшееся от ружейно-пулеметной стрельбы пылевое облако обозначило рубеж наших передовых частей. Впереди неприступной стеной застыла Сапун-гора. Там в глубоких блиндажах и траншеях враг.

Я вспомнил дни обороны, вспомнил, как мы сидели в этих траншеях, как разбивались волны немецких атак у подножья Сапун-горы... Морская пехота Горпищенко и Жидилова стояла насмерть. Немцы знали, что не пройдут, но грозные приказы

бросали их на бесславную смерть. Они гибли, когда шли вперед, гибли, когда пытались отступать. В те суровые дни сорок второго года потерявшее терпение немецкое командование отдало распоряжения расстреливать с тыла свою нерадивую пехоту, если та вздумает повернуть назад.

— Ты помнишь, когда мы снимали у Горпищенко, чем кончались немецкие атаки? — напомнил я Левинсону.

— Да, страшно даже вспомнить! Горы трупов. Горы... — ответил Левинсон.

— Неужели теперь мы будем брать Сапун-гору в лоб? Не представляю себе! Да и нужно ли?

На другой день наши войска отбили Балаклавские высоты и заняли всю линию над городом и морем. Мы со своей полуторкой выбрались в старый крепостной ров на горе. Внизу под нами была Балаклава с немцами...

Вспоминается 1941 год. Мы сидели в Балаклаве, а немцы висели над ней на горе, вот так же, как мы сейчас. С провизией в Севастополе было очень туго, а в Балаклаве мы всегда отводили душу — наедались досыта. При частых бомбежках и артналетах снаряды и бомбы падали в бухту. Она густо покрывалась глушеной султанкой и ставридой. Бывали такие моменты, когда зеленая вода бухты становилась серебряной. Мы варили рыбу, жарили и объедались до следующего налета. Только доставать ее из воды было очень опасно. Бухта была под прицельным обстрелом, и днем мы вытягивали из моря султанку, пользуясь длинным концом телефонного провода.

Теперь Балаклава, вернее ее руины, под нашим

прицелом и немцы под пулеметным огнем наших моряков. Как все просто — будто переключили полюсы с минуса на плюс.

Снова вся бухта сияла, переливаясь на солнце серебряными брюшками вкусной рыбешки.

Недавно, перед новым наступлением на Керчь, я обзавелся длиннофокусным объективом. Эта огромная труба напоминала крупнокалиберный миномет и часто вызывала на себя огонь. Замаскировавшись в крепости над Балаклавой, мы вели съемки, наблюдения за городом, за Сапун-горой. Вся местность, занятая врагом, была у нас перед глазами. Это позволяло снимать не только эпизоды воздушных боев, но и сухопутные и танковые атаки, обработку немецких позиций «катюшами».

Тяжело груженные, «ИЛы» один за другим штурмовали Сапун-гору. Они ходили над нею низко, бреющим полетом на высоте 100—150 метров, сея огонь и оставляя черный след разрывов.

«Наконец-то настала наша пора! Эх, Димки нет! Как мечтал он тогда о съемках в наступлении, когда мы будем бить врага! Гнать с нашей земли и бить, бить!» — думал я. Какой радостью была съемка в сорок первом году сбитого «юнкерса»! А теперь? Каждый день, каждый час, каждая минута приносили столько побед! За всю войну я не ощущал такой удовлетворенности снятым материалом. Впервые я мог в таком многообразии снимать боевые операции наших частей совсем близко, в расположении противника. Я охрип от возгласов и выкриков: «Давай, давай! Бей! Еще раз! Бей! Ура!»

Между Итальянским кладбищем и Федюхиными высотами позади яблоневого сада притаился дивизион «катюш». Я пробрался туда в надежде снять огонь реактивных батарей. Наконец сквозь ветви понеслись на Сапун-гору смертоносные трассы огня. Я снимал, стараясь отвлечься от нахлынувших чувств. Мне было хорошо. Уходить не хотелось. Я не знаю, как долго я сидел в этом маленьком, израненном осколками снарядов садике на краю нейтральной зоны. Я забыл обо всем на свете, будто вернулся домой, на Волгу.

Но вот немцы засекли стоянку «катюш». Полетели первые снаряды. Дивизион, фыркнув моторами, снялся.

Я уходил оттуда в полный рост. «Скорее, скорее! — подгонял меня страх. — Медлить нельзя». — Я прибавил шагу и побежал что есть мочи.

С каждым днем канонада становилась гуще, продолжительнее. Небо дрожало, гудело от сплошного рева моторов. Я представил себе немцев в Севастополе, их самочувствие и попытался сравнить со своим во время обороны. Никакого сравнения. Мы не боялись смерти. Мы защищали свое Отечество во имя жизни. А они? Они даже не знали, зачем пришли сюда. Страшно, наверно, умирать без всякой цели на чужой земле.

Балаклава наша! Еще один шаг на пути к Севастополю. Мы нашли на вершине горы удобную точку в немецком минометном гнезде. В видоискатель моего аппарата хорошо было видно, как немцы ведут эвакуацию своих войск на Херсонес. Ря-

дом со мной у стереотрубы старшина-корректировщик. Он непрерывно передает по телефону на свою батарею данные о немцах.

К самому берегу на Херсонесе подошел корабль.

— Стар ш и н а! Старшина! Прошу тебя! Слышишь? Дай огонек на транспорт! Слышишь?

Камера работала. С берега протянули на корабль сходни. Беспорядочной толпой ринулись по ним войска.

— Старшина! Скорей! Скорей! Давай огонь! Уйдут немцы! Уйдут! Не успеем!.. — Я волновался так, будто от этого зависела моя судьба. Корректировщик, прильнув к стереотрубе, кричит что-то, для меня непонятное, не обращая на мои крики никакого внимания. Наконец первый снаряд, второй, третий, четвертый подняли столбы воды вдали от корабля.

«Ну, теперь ему не уйти от нас!» — подумал я и начал снимать, как снаряды все ближе и ближе подбирались к транспорту. Батарея ведет огонь залпами — четыре взрыва, промежуток и снова четыре. Вот, наконец, в кадре визира разорвался снаряд на корабельном мостике, другой на кормовой надстройке.

— Ну как? Порядок, товарищ офицер-опера-

тор? — успел крикнуть мне старшина, не отрываясь от своей передачи. — Нет! Нет! Это не вам, товарищ лейтенант! Порядок полный! — добавил он, и снова пошли цифры...

Вижу, как рухнули в море вместе с войсками сходни и пароход стал медленно отваливать от берега. Еще один снаряд разорвался на спардеке. Корабль уходил все дальше и дальше от берега. Корректировщик замолчал. Батарея прекратила огонь.

— Неужели уйдет? Уходит у всех на глазах! Уходит! Нет! Не могу смотреть, в душу мать!

Поток моих ругательств неожиданно прекратил старшина:

— Заснимайте! Скорей! Скорей! «ИЛы» пикируют! Урра! Теперь хана им! Товарищ капитан третьего ранга, дайте хоть одним глазом глянуть, как они там его крошат!

Я только успел нажать рычажок и увидел: штурмовики ринулись один за другим в пике. Вспыхнуло яркое пламя, и транспорт окутался густым облаком дыма.

Это был последний немецкий пароход. Так он и ушел, скрывшись за горизонтом, объятый дымом. В это время на аэродром приземлились несколько больших десантных «юнкерсов». Только я успел снять их посадку, как вдруг в небо круто взмыл «Ю-88». Я еле успел поймать его в кадр. За ним тянулся дымный след. Заложив вертикальный вираж, он хотел, как мне показалось, вернуться обратно, но было уже поздно. Кренясь на одно крыло, он полетел бреющим полетом к морю, надеясь, наверно, сесть на воду. Немного не дотянув, он

врезался в береговую скалу и разлетелся на мелкие куски.

Камера умолкла. Над местом гибели самолета таяло легкое облако пыли. Мы молча посмотрели друг на друга. Появился Левинсон. Смуглое красивое лицо осунулось и выглядело усталым.

— Успел снять, как он скалу пробовал на зуб? — спросил он.

Я кивнул.

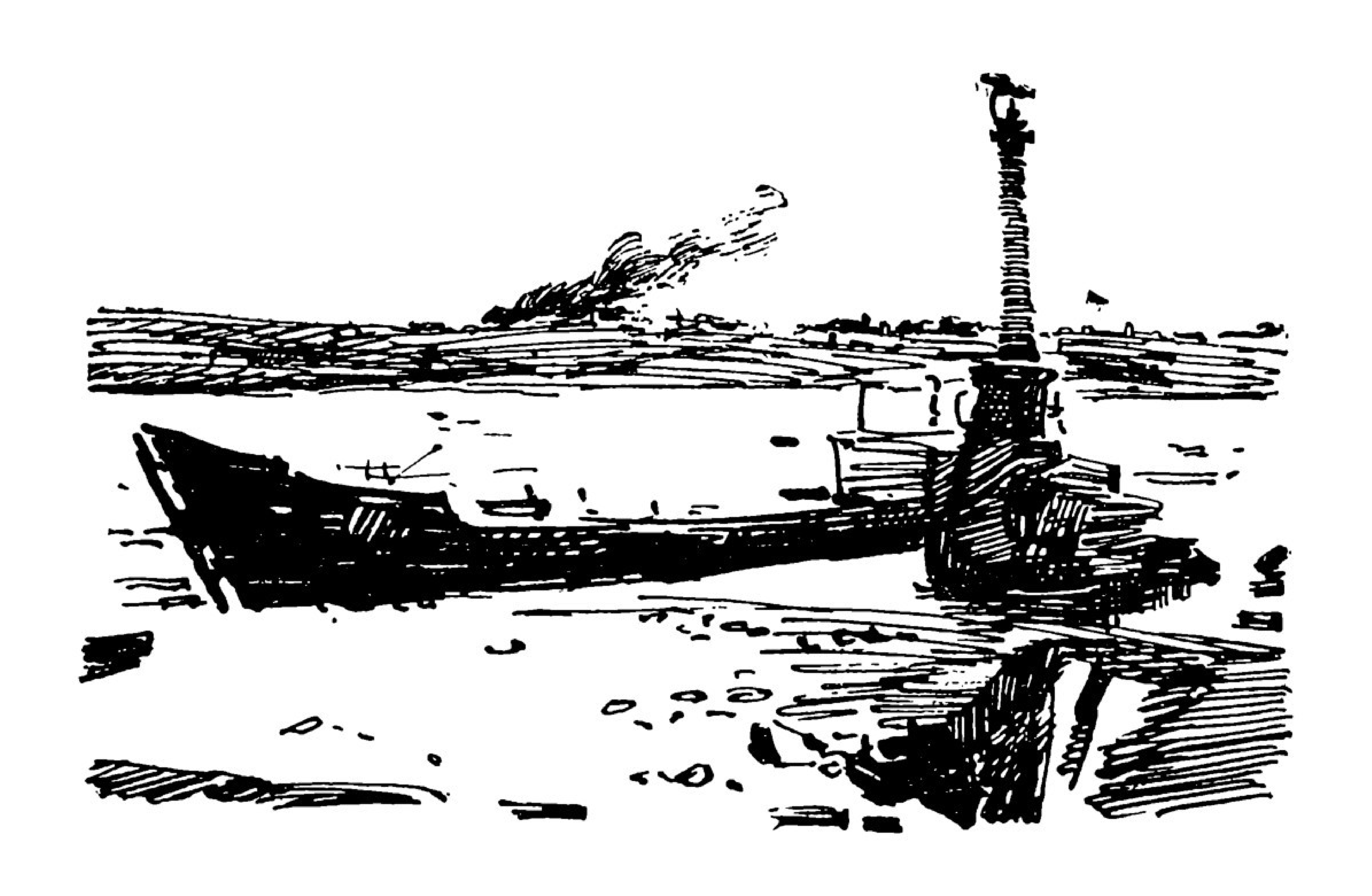
— Давай подкрепись, а то целый день не ел ни черта. — Он протянул флягу. — Марочный мускат из Массандры. Не опьянеешь, а? Ну, ну! Не сердись! Чуешь? От одного аромата можно захмелеть.

— Ну, будь здоров! Дай бог не последнюю! Разбуди старшину — пусть перекусит. — Мы чокнулись и принялись за тушенку. Никогда еще она не была такой вкусной, как сегодня.

Последние попытки немцев эвакуировать войска из района Херсонесского маяка ни к чему не привели. Наша авиация полностью блокировала небо и море. Напрасно немцы ждали обещанных кораблей и десантных самолетов. Шаг за шагом наши войска подошли вплотную к последним рубежам немецкой обороны.

Шла, наступала наша армия, и этот порыв вперед, как и рождение весны, остановить не могла никакая сила...

Маневр, на который надеялся Левинсон, действительно придумали, но он не избавил от необходимости брать Сапун-гору в лоб. Он только обманул врага, заставил его оттянуть часть сил от задуманного нашим командованием направления

главного удара к Мекензиевым горам, где наступление началось двумя днями раньше и куда немцы стали стягивать все свои силы.

7 мая 1944 года начался штурм Сапун-горы. Три полосы железобетона, сведенные в мощные узлы сопротивления, вместе с хитрой системой противопехотных заграждений были преодолены матросами и солдатами в невиданном доселе порыве. Каждый сантиметр земли был взят с боя. Каждый шаг был подвигом.

Здравствуй, Севастополь, мы вернулись к тебе, как обещали!

Выйдя первым на Корабельную сторону, небольшой отряд матросов подбросил в небо бескозырки и трижды прокричал «ура!». Грянул в ве-

сеннем воздухе первый ружейный салют победы. Перед нами за Южной бухтой дымились руины Севастополя.

Внизу под нами, у Павловского мыса, полузатонувший эсминец «Свободный». Напротив, у Графской пристани, торчат мачты потопленного крейсера «Червона Украина». А у памятника затопленным кораблям пылает ярко-ярко немецкая самоходная баржа. Кипит над городом ружейно-пулеметный клекот.

И вот еще один бросок. Перед нами израненная, пробитая пулями и осколками снарядов колоннада Графской пристани. Черный дым от горящей баржи стелется по морю. Выбитая снарядом колонна напоминает инвалида без ноги. Разбитая

лестница густо усеяна рваными осколками и стреляными гильзами. Вместо деревянного пирса в конце лестницы зияет огромная воронка.

Мы стояли пыльные, опаленные порохом и весенним солнцем, счастливые и радостные. Какой день — мы в Севастополе!

Сердце от волнения готово выпрыгнуть. Я взглянул на флагшток — он пуст.

— Костя, подержи камеру, я сейчас вернусь!

Сбросив китель, я быстро, в одной тельняшке, забрался наверх, снял тельняшку и повесил ее, как флаг, на железном шпиле. Потом достал из фуражки выгоревший на солнце обрывок ленточки с минного поля из-под Итальянского кладбища и повязал на острие шпиля, выше тельняшки.

Я спустился вниз, и мы дали салют из своих пистолетов.

Тельняшка и черная матросская ленточка развевались на фоне синего крымского неба, приветствуя счастливый день победы над врагом.

Я не знаю, кто ты, отважный матрос с минного поля из-под Итальянского кладбища, отдавший жизнь за родной Севастополь, но ленточка с твоей бескозырки вернулась в радостный день победы в твой любимый город и, как знак траура по всем погибшим, торжественно и скорбно полощется на соленом ветру...

18. Возмездие

Севастополь наш.

По знакомой дороге, выбитой минами и снарядами, сквозь толпы беспорядочно идущих навстре-

чу заросших, изможденных пленных, медленно лавируя среди разбитой техники, мы пробирались вперед. Я вспомнил, глядя на дорогу, как мчал нас по ней Петро...

«Охвицеры, тримайсь!» — казалось, сейчас прозвучит его веселый голос. Но Петра не было, а знакомую дорогу трудно было узнать даже нам. Ее перекрыли, спрятали зеленые толпы пленных и исковерканная техника.

«Эх, Петро, Петро! Неужели ты никогда не вернешься в Севастополь? Не споешь нам «Виют витры, виют буйные»... Хибаж це дило?..»

Мои воспоминания прервались. Наша машина остановилась. Мне стало не по себе. Я ждал и хотел увидеть врага грозного, яростного. А мне навстречу не шли, а еле переставляли ноги слабые, несчастные, неполноценные люди. Со мной творилось что-то необъяснимое — к горлу подступила предательская тошнота. Я отвернулся от этой толпы и, когда мы снова тронулись, переключил внимание на догоравший в кювете «фердинанд».

Вот и маяк. Где же знакомый аэродром? Как все изменилось — стало чужим, неузнаваемым! А может быть, еще не доехали? Я высунулся из машины и сразу увидел маяк на краю мыса у самого моря.

«Маяк, белая свеча Крыма, как тебя изранили снаряды! Пробили насквозь, а ты не поддался — гордый, с простреленной грудью стоишь, как матрос, и не падаешь от пуль, не умираешь от ран», — подумал я и попросил Левинсона остановить машину.

Я думал, увижу эти места такими, как прежде, но картина открылась совсем другая, не похожая ни на что...

На всем пространстве бывшего аэродрома был невероятный хаос. Будто чья-то сильная рука в порыве гнева переворошила все вокруг в поисках сбежавшего преступника. И под эту тяжелую руку попали зенитки и орудия всех калибров, полосатые танки «тигры», самоходы «фердинанды», грузовые автомобили с солдатами и с поклажей, легковые штабные, десантные самолеты и истребители, повозки, впряженные живыми и мертвыми лошадьми, беспорядочные штабеля ящиков с провиантом, боезапасом и медикаментами, прожектор-

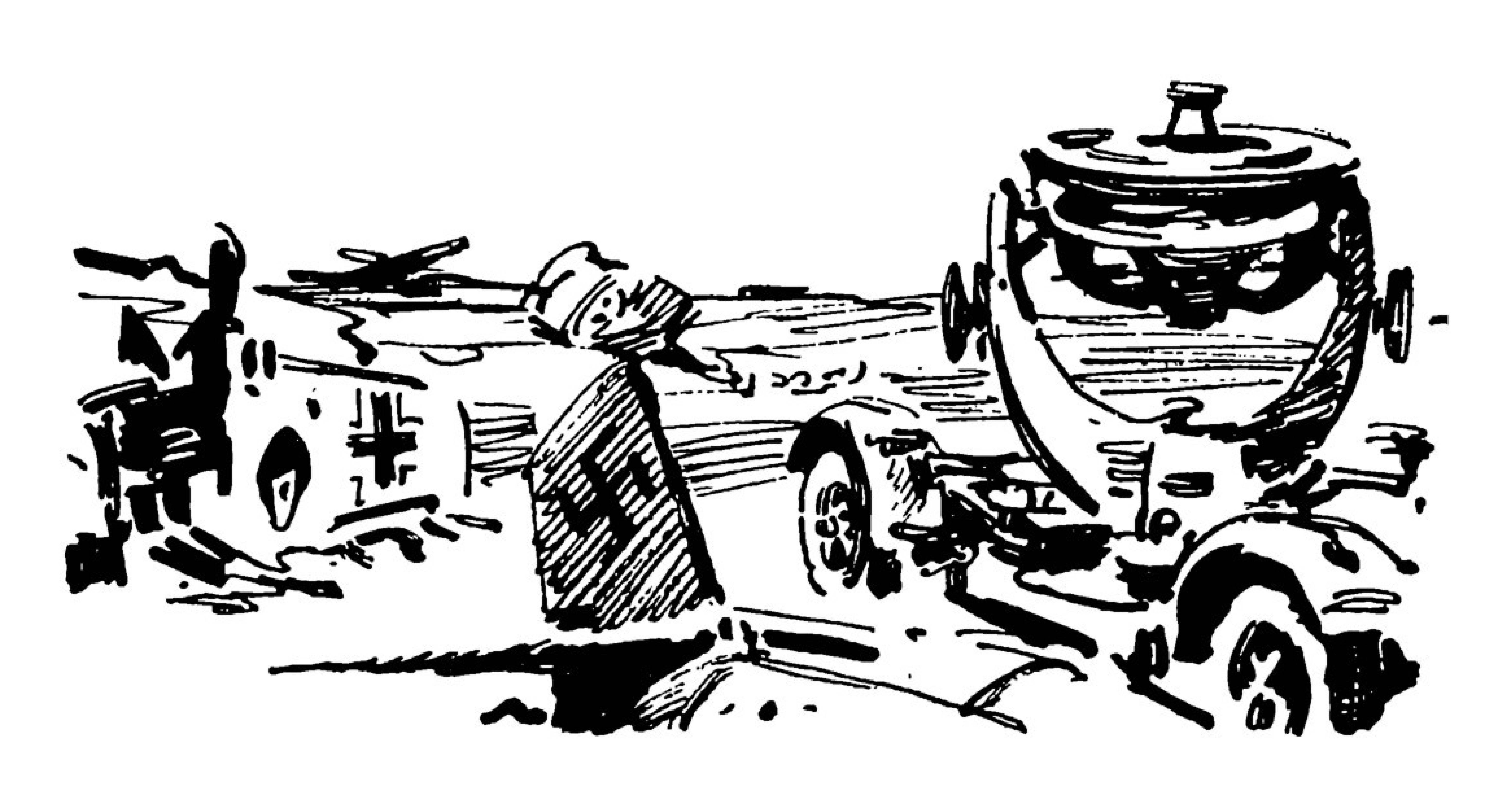

ные установки с огромными параболическими зеркалами.

Всюду валялись убитые вперемежку с тяжелоранеными, трудно было понять, кто жив, кто мертв. Множество стоявших с поднятыми руками солдат. Одни, как изваяния, замерли в этих позах, другие сидели на камнях, на ящиках, в повозках. Многие лежали на земле лицом вниз.

Мы застали немцев в страхе. Они прятались друг за друга, закрывали глаза руками, бросались на землю, накрываясь плащ-палатками, давили один другого, перелезая через убитых людей и лошадей, бросались с крутого берега в море, тонули, выныривали, плыли... Море не спасало. Море помнило сорок второй год.

Автоматные очереди и отдельные выстрелы из винтовок и пистолетов не давали далеко уплыть. Море около берега и дальше до горизонта

было усеяно самодельными плотами, надувными лодками, досками.

Мне некогда было рассматривать и детализировать, я старался как можно больше снять и, снимая детали, не успевал рассмотреть, кто из плавающих на воде жив, а кто уже мертв...

Мною руководило одно желание — запечатлеть самое главное, успеть взять от события его неповторимую силу воздействия на людей. Я знал, что пройдет десять-пятнадцать минут, и эмоциональная свежесть восприятия происходящего поблекнет. И острота моего взгляда притупится. Я торопился, зная, что если успею снять вовремя хоть небольшую долю того, что было перед глазами, то и этого будет достаточно, чтобы люди никогда не посмели повторить того, что увидят на экране.

Я снимаю редкие кадры — сидят, лежат на плотах трупы. Они качаются на волнах и кажутся живыми... Снимая первые кадры, я даже не догадывался, что в поле зрения объектива мертвецы...

— Смотрите! Там живые! — крикнул взволнованно Костя.

Вдали от берега с белыми тряпками на палке и в руках плыла на плоту тесная группа немцев. Они что-то кричали и усиленно махали поднятыми руками. Недалеко от плота плавали, барахтались, тонули еще несколько десятков солдат.

Только сейчас я обратил внимание и направил объектив на море, у самого берега за скалой. На дне под прозрачным слоем воды плавно колеблются в длинных солнечных лучах утонувшие солдаты. Некоторые еще пробуют подняться на по-

верхность, судорожно работая руками. В выпученных глазах застыл ужас.

Поодаль на дне группа солдат стоит в кругу, как бы танцуя на полусогнутых ногах крестьянский танец.

Стрельба почти затихла, только несколько бойцов из противотанкового ружья стреляют по катеру. Он стоит далеко, и видно, на борту машут чем-то белым, а пули вздымают белые всплески все ближе и ближе к перепуганным немцам.

Спасение одно — на дне! Вот оно, возмездие, настигло!.. Я иду и снимаю картину разгрома севастопольской группировки войск. Перед объективом моей камеры длинный крытый блиндаж у края крутого берега. Его крыша наполовину съехала под обрыв. В глубине лежат мертвые солдаты с открытыми глазами. В их руках застыли автоматы. Все усыпано стреляными гильзами.

— Вассер! Вассер! — вдруг послышался слабый хриплый голос. Среди убитых оказался смертельно раненный. Костя, косо посмотрев на него, расстегнул кобуру и схватился за рукоятку пистолета.

— Пристрелить его, чтобы не мучился... — сказал он.

— Подожди, Костя! — Я принес из своей машины канистру с питьевой водой и дал немцу напиться.

— Эх вы, гуманист! Он бы дал вам попить? — сказал мне укоризненно Костя.

— Нельзя не выполнить последней просьбы умирающего, — ответил я Косте, когда увидел его непонимающий взгляд.

Удивленные глаза смертельно раненного солдата с мольбой и благодарностью остановились на нас, и он прошептал:

— Данке! Данке! Комрад! — Его лицо приняло тот серьезный оттенок, который появляется, когда наступает конец всем страданиям. Он продолжал неотрывно смотреть пристальным неморгающим взглядом. Я до сих пор вижу голубой цвет его глаз.

— Нет, Костя, на этот раз ты не прав! Виноват не он! Другой!

В моих ушах продолжало звучать хриплое солдатское «данке», последнее на этом свете «данке».

Я не заметил, как, снимая, подошел к группе живых. Они стояли зеленые, молча прижавшись к полосатому «тигру». Когда я направил аппарат на танк, они, как по команде, все разом подняли руки вверх. Неужели не понимали, что я их снимаю, а не расстреливаю? Совершенно непроизвольно получился эмоциональный, драматический кадр.

Недалеко наполовину в воде деревянный трап. По нему уходили из Севастополя немцы на пароход, который я снимал телеобъективом с Балаклавских высот. Весь берег был завален убитыми.

На самом берегу моря у отвесной скалы обрыва я снял кадр, который потом именовался «стеной смерти». Около тридцати человек офицеров сидели под стеной, плотно прижавшись друг к другу. Мы даже сразу не поняли, что здесь произошло.

Оказалось, что это те, кто не хотел сдаваться в плен коммунистам. Они покончили с собой. Жуткая панорама прошла перед моим объективом. Я вел по мертвым лицам, а они открытыми неподвижными глазами смотрели мимо меня.

Вдруг в кадре появились моргающие глаза, смотрящие прямо в объектив моей камеры. Мне стало не по себе. Я отнял аппарат от глаз и снова услышал хриплое «вассер, вассер». Голос был требовательный, резкий.

Я не знаю, выжил ли он или нет после протянутой кружки воды, но вежливого «данке» я не услышал. Если выжил, то, наверно, никогда не захочет не только воевать, но и думать о войне...

А может быть, снова задумал прийти на нашу землю, чтобы жечь и топтать ее коваными сапогами?

19. Последняя страница

Много лет прошло с тех пор.

Я стою на Сапун-горе у братской могилы освободителей города. Я снимаю празднование двадцатилетия освобождения Севастополя. В визире моей камеры хорошо знакомые лица Азарова, Павличенко, Октябрьского, Сариной, Жидилова.

Я оглядываюсь вокруг. Вижу Итальянское кладбище, Сахарную Головку, Балаклавские высоты, Золотую долину.

К горлу подступают слезы. Я ищу следы былых боев и не нахожу их. Всюду, куда ни глянешь, видны виноградники.

А здесь, рядом со мной, траурный митинг. Страшное слово сейчас, спустя двадцать лет... В визире камеры я вижу дрожащие лепестки цветов, строгие, суровые лица моих ровесников, лица матросов и солдат, детские лица.

Да, двадцать лет прошло с тех пор.

Двадцать лет — достаточный срок, чтобы выросло новое поколение, но слишком малый, чтобы забыть прошлое.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Микоша Владислав Владиславович

С КИНОАППАРАТОМ В БОЮ. М., «Молодая гвардия», 1964.

144 с. с илл.

9(С)27

Редактор *С. Жемайтис*
Оформление художника *И. Пчелко*
Худож. редактор *Г. Позин*
Техн. редактор *Е. Михалева*

А109140. Подп. к печ. 14/XII 1964 г. Бум. 70×108 1/32.
Печ. л. 4,5(6,16). Уч.-изд. л. 5,4. Тираж 115 000 экз.
Заказ 1946. Цена 16 коп. Информ. письмо.

Типография «Красное знамя»
изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Сущевская, 21.

16 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ